

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «S., V. и А. (S., V. and A.) против Дании»¹

(Жалобы №№ 35553/12, 36678/12
и 36711/12)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 22 октября 2018 г.

По делу «S., V. и А. против Дании» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Гвидо Раймонди, Председателя Большой Палаты,
Ангелики Нуссбергер,
Линос-Александра Сисилианоса,
Анны Юдковской,
Хелены Ядерблом,
Роберта Спано,
Леди Бианку,
Небойша Вучинича,
Винсента А. де Гаэтано,
Эрика Мёсе,
Пауля Лемменса,
Кшиштофа Войтычека,
Дмитрия Дедова,
Йона Фридрика Кьельбро,
Карло Ранзони,
Стефани Муру-Викстрём,
Латифа Гусейнова, судей,
а также при участии Сёрена Пребенсена, заместителя Секретаря Большой Палаты Европейского Суда,

рассмотрев дело в открытых слушаниях 17 января и 11 июля 2018 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано тремя жалобами (№№ 35553/12, 36678/12 и 36711/12), поданными

¹ Перевод с английского языка Е.Г. Кольцова.

² Настоящее Постановление вступило в силу 22 октября 2018 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

ми против Королевства Дании в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) тремя подданными этой страны: S., V. и А. (далее – заявители), – 8 июня 2012 г. Председатель Большой Палаты Европейского Суда удовлетворил ходатайство заявителей не раскрывать их имена (пункт 4 правила 47 Регламента Суда).

2. Интересы заявителей представляли К. Бонне (C. Bonnez), адвокат, практикующий в г. Орхусе (Aarhus), а также Т. Стадарфельд Йенсен (T. Stadarfeld Jensen) и Х. Сиебе (H. Ziebe), советники. Власти Дании были представлены своим Уполномоченным при Европейском Суде Т. Эллингом Рехфельдом (T. Elling Rehfeld), а также Н. Хольст-Кристенсен (N. Holst-Christensen), К. Вегенером (C. Wegener) и Й. ван Деурсом (J. van Deurs), советниками.

3. Заявители утверждали, в частности, что их задержание в качестве превентивной меры нарушило пункт 1 статьи 5 Конвенции.

4. 7 января 2014 г. жалоба заявителей на нарушение статьи 5 Конвенции была коммуницирована властям Дании, а их жалобы на нарушение статей 7 и 11 Конвенции были объявлены неприемлемыми для рассмотрения по существу в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

5. 11 июля 2017 г. Палата, созданная в рамках Второй Секции, в следующем составе: Роберта Спано, Председателя, Юлии Лаффранк, Леди Бианку, Небойши Вучинича, Пауля Лемменса, Йона Фридрика Кьельбро, Стефани Муру-Викстрём, судей, а также при участии Секретаря Секции Суда Стенли Найсмита, уступила свою юрисдикцию в пользу Большой Палаты Европейского Суда, ни одна из сторон не возражала против такой уступки (статья 30 Конвенции и правило 72 Регламента Суда).

6. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда.

7. Заявители и власти Дании подали письменные замечания по вопросам приемлемости и по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Суда).

8. Открытое слушание дела состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 17 января 2018 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В заседании Европейского Суда приняли участие:

(а) со стороны властей Дании:

Т. Элинг Рехфельд, сотрудник Министерства иностранных дел, Уполномоченный Дании при Европейском Суде,

Н. Хольст-Кристенсен, сотрудница Министерства юстиции, *Соуполномоченый Дании при Европейском Суде*,

К. Вегенер, руководитель секретариата, сотрудник Министерства иностранных дел,

Й. ван Деурс, начальник департамента, сотрудник Министерства юстиции, *советники*;

(b) *со стороны заявителей*:

К. Бонне, адвокат, «Адвокаты Бонне и Сиебе» (*Advokaterne Bonnez and Ziebe*) *представитель*,

Т. Стадарфельд Йенсен,

Х. Сиебе, *советники*.

Европейский Суд заслушал выступления Т. Эллинг Рехфельда и К. Бонне, а также их ответы на заданные им судьями вопросы.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Первый заявитель, S., родился в 1989 году. Второй и третий заявители, V. и А. соответственно, родились в 1982 году.

10. В субботу 10 октября 2009 г., с 20.00 до 22.00, в г. Копенгагене проходил футбольный матч между Данией и Швецией. Стадион вмещал 38 000 зрителей. Незадолго до матча полиция получила информацию о намерениях группировок футбольных болельщиков различных клубов из Дании и Швеции спровоцировать хулиганские потасовки. Для усиления отряда полиции г. Копенгагена, который обычно задействовался на таких матчах, на службу вызвали еще 186 сотрудников полиции. Большая часть из них в течение всего дня была в полицейской форме. Они знали членов местных группировок болельщиков.

11. Трое заявителей приехали в г. Копенгаген, чтобы посмотреть матч. Они были задержаны днем на основании пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции» (*Politiloven*) (см. § 29 настоящего Постановления).

12. Всего были задержаны 138 зрителей/хулиганов, примерно половина из них на основании 755 Закона «Об отправлении правосудия» (*Retsplejeloven*) (см. § 35 настоящего Постановления) по обвинению в совершении различных преступлений, а другая половина – на основании пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции» вне рамок уголовного преследования.

13. Первый заявитель был задержан с 16.45 до 00.06, то есть в течение семи часов и 21 минуты.

14. Второй заявитель был задержан с 15.50 до 23.27, то есть в течение семи часов и 37 минут.

15. Третий заявитель был задержан с 15.50 до 23.34, то есть в течение семи часов и 44 минут.

16. Последние беспорядки в центре г. Копенгагена, приведшие к задержаниям, произошли в 22.51 и 23.21, когда в полицейском фургоне

согласно протоколу находились 35 задержанных (лица, задержанные в 22.51).

17. 15 октября 2009 г. представительница заявителей от их имени просила полицию направить их дела в суд для рассмотрения вопроса о правомерности задержания в соответствии с главой 43а Закона «Об отправлении правосудия». Она также потребовала предоставить компенсацию на основании пункта 6 статьи 469 указанного закона.

18. 4 ноября 2009 г. стороны договорились об общем месте разбирательства, и дела были направлены в городской суд г. Орхуса (*Retten i Aarhus*) (далее – городской суд). Суд допросил заявителей, троих свидетелей с их стороны, сотрудника, руководившего полицейской операцией, и еще четверых представителей полиции. Всего были проведены три судебных заседания: 11 марта, 6 сентября и 28 октября 2010 г.

19. Заявители объяснили, что они приехали в г. Копенгаген задолго до матча в составе группы примерно из 25 болельщиков из г. Орхуса. Они встретили пятерых – десятерых друзей из г. Копенгагена и зашли в паб. Группа из 40–50 болельщиков ушла из паба для того, чтобы найти паб попросторней в пределах пешеходной зоны Стрёгет (*Strøget*), но сотрудники полиции завели их в переулок и задержали второго и третьего заявителей, а также еще четверых болельщиков. Впоследствии первый заявитель пошел с друзьями в другой паб, затем он отправился для встречи с другом из г. Орхуса на площадь напротив Садов Тиволи (*Tivoli Gardens*). Его задержали, когда он стоял вместе с этим другом и разговаривал по телефону с другим другом. Заявители утверждали, что они не участвовали и не планировали участвовать в каких-либо столкновениях. Они подтвердили, что ранее они несколько раз задерживались полицией в связи с проведением других футбольных матчей.

20. На рассмотрение городского суда был представлен «Меморандум о задержаниях в связи с международным футбольным матчем между сборными Дании и Швеции, состоявшимся 10 октября 2009 г.», подготовленный главным инспектором В.О., который осуществлял стратегическое командование обеспечением безопасности на мероприятии. В меморандуме говорилось, что полиция получила оперативные данные о том, что хулиганские группировки из обеих стран намеревались устроить друг с другом драку в день матча. Риск драки увеличивал тот факт, что матч начинался лишь в 20.00, поэтому у представителей каждой группы болельщиков было значительное время для приема алкогольных напитков до матча. Для предупреждения столкновений планировалось вести активный диалог с болельщиками начиная с полудня, когда появились первые фанаты/зрители, а в случае столкновений предполагалось задерживать подстрекателей на основании статьи 755 Закона «Об отправлении правосудия» и предъявлять им обви-

нения либо в случае нереализуемости этого варианта задерживать подстрекателей на основании пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции». Поскольку срок задержания на основании последнего положения не мог превышать шести часов, в меморандуме уточнялось, что следовало избегать слишком ранних задержаний, так как задержанных в этом случае пришлось бы освободить во время или по окончании матча, после чего они могли вновь направиться к центру города и продолжить участие в драках. В 16.41 произошло первое массовое столкновение между фанатами из Дании и Швеции на площади Амагерторв (*Amagertorv*), в пешеходной зоне Стрёгет, в центре г. Копенгагена, которое завершилось задержанием пятерых или шестерых участников потасовки, в том числе первого заявителя. Вплоть до начала матча проходили задержания других болельщиков, подстрекавших к дракам и руководивших ими, но основной тактикой продолжал оставаться диалог с целью обеспечения того, чтобы большинство болельщиков вели себя надлежащим образом и попали на стадион для просмотра матча. После матча в центре города началась еще одна крупная потасовка, закончившаяся очередными задержаниями большого количества фанатов/хулиганов из Швеции и Дании.

21. В городском суде главный инспектор В.О., *inter alia*, сообщил:

«...что он осуществлял стратегическое руководство в ходе проведения мероприятия и находился в координационном центре в связи с проведением международного футбольного матча между сборными Дании и Швеции 10 октября 2009 г. Полиция получила оперативные данные о намерениях болельщиков из различных клубов из Дании и Швеции спровоцировать драки между хулиганами в связи с проведением матча. Соответственно, полиция подготовилась к тому, что придется иметь дело не с обычными болельщиками из Дании и Швеции. Информация поступила от “осведомителей” полиции в различных сетях футбольных фанатов. Были получены сведения о том, что болельщики из Дании и Швеции планировали сотрудничать... Подготовительные действия полиции охватывали различные места в г. Копенгагене. Планировалось установить местонахождение различных групп болельщиков, провести с ними беседу, успокоить их и, соответственно, снизить накал эмоций до того, как данные группы придут на стадион. Полиция дислоцировалась на местах своей силы, разделив их на отдельные группы примерно к 14.00, поскольку имелась информация о том, что зрители придут рано, чтобы начать употреблять алкоголь. Местонахождение групп фанатов удалось обнаружить при помощи их наблюдателей, и выяснилось, что болельщики из Дании и Швеции разделились на две группы по национальному признаку. Первая большая драка между датскими и шведскими хулиганами была зафиксирована примерно в 15.40. Драка произошла в центральной части пешеходно-торговой улицы Стрёгет, возле выхода из бара D, в котором обосновались шведы. Перед дракой группы датских фанатов были замечены во внутреннем

дворе дома “Болтенс Гård” (*Boltens Gård*). По донесениям информаторов, датчане, участвовавшие в потасовке, были болельщиками футбольных клубов “Брондбю” (*Brøndby*), “Люнбю” (*Lyngby*) [из г. Копенгагена] и “Орхус” (*AGF*). Данная оперативная информация была собрана полицейскими в родных городах указанных клубов. Эти полицейские, приехав в г. Копенгаген для оказания помощи при обеспечении безопасности на матче сборных Дании и Швеции, узнали болельщиков.

Драка отчасти стала для полиции неожиданностью, но полицейским удалось изолировать шведских болельщиков в баре D и вытеснить группу фанатов из Дании на Валкендорффсгаде (*Valkendorffsgade*), небольшую улицу в стороне от пешеходно-торговой улицы. Всего в драке участвовали 50–60 датских фанатов. Ему было неизвестно точное количество лиц, принимавших непосредственное участие в драке, но из рапортов с мест он понял, что с каждой стороны дрались примерно по 50–60 человек. Такая массовая драка привносит элемент неопределенности.

Сам он находился в координационном центре, но регулярно контактировал с людьми на месте происшествия. Он был одним из тех, кто принимал решение о задержании лиц, которым нельзя было предъявить обвинение в совершении преступления, то есть в задержании на основании Закона “О полиции”. Планировалось задерживать только подстрекателей. Насколько это было возможно, сотрудники полиции старались не задерживать много людей в течение дня, поскольку их бы пришлось освободить во время или сразу по окончании матча, после чего они могли вернуться в центр города и продолжить участие в драках. Он использовал наблюдателей [полиции] на местах, чтобы выявить шестерых лидеров, которые были затем задержаны. Их личности были установлены благодаря тому, что ранее они были известны полицейским, а также по текущим наблюдениям за их действиями. Ключевым фактором, безусловно, было фактическое поведение соответствующих лиц. Если бы они не подстрекали других людей, их бы не задержали...

Задержанные лица были освобождены после оценки ситуации в центре г. Копенгагена. Полиция начала освобождать заключенных после полуночи, когда обстановка в центре г. Копенгагена успокоилась и, по имеющимся оценкам, в центре не осталось людей, с которыми могли подраться освобожденные лица. Разумеется, ему было известно о шестичасовом сроке задержания, установленном в Законе “О полиции”, но могло потребоваться превысить этот максимальный срок. В тот конкретный вечер они сделали это осознанно. Если бы по истечении шестичасового периода насилие прекратилось, у полиции не было бы оснований не освобождать задержанных. Полиция преследовала цель избежать возникновения столкновений и драк, а также ситуаций, создающих неопределенность. В течение всего периода задержания осуществлялся анализ обстановки.

Обычно у полиции не было проблем с соблюдением правила о шестичасовом сроке задержания, когда матчи проводились в дневное время или в выходные дни, поскольку на такие матчи люди не приезжают задолго до начала игры. В команду координационного центра входил следователь,

регулярно общавшийся с сотрудниками полицейского участка в районе Беллахей (*Bellahøj*) по вопросам задержаний. Задержанные, которым были предъявлены обвинения в совершении правонарушений, освобождались после матча. Что касается лиц, задержанных на основании Закона «О полиции», то проводилась комплексная всесторонняя оценка, и после того, как угроза устранялась, их освобождали по одному. Он участвовал в общей оценке продолжительности сроков задержания, но не рассматривал индивидуальные дела. Координационный центр закрылся вскоре после полуночи, когда наблюдатели в городе доложили, что всё спокойно и что люди возвращаются домой и расходятся по отелям. Как указывалось выше, было принято решение освободить задержанных на основании общей оценки обстановки, осуществленной в координационном центре, но фактически люди освобождались в полицейском участке в районе Беллахей. Сотрудники полиции полагали, что задержанные вновь встретятся и начнут новые драки, если их освободить до того, как установится порядок на улицах в центре города...».

22. Констебль полиции P.W. сообщил следующее:

«...Он принимал участие в качестве члена специального патруля в полицейской операции, проводившейся в г. Копенгагене 10 октября 2009 г., в связи с проведением международного футбольного матча. Они получили информацию о том, что хулиганы из г. Орхуса должны встретиться с другими хулиганами из Дании для того, чтобы устроить драку с футбольными фанатами из Швеции. Полиция г. Копенгагена запросила помощь у полицейских из других регионов Дании, которые знали членов местных группировок. Он и его коллеги собрались примерно в 11.00 на инструктаж. Он и его коллега из полиции Восточной Ютландии проехали по городу в поисках знакомых хулиганов из г. Орхуса. Им сказали, что болельщики из г. Брондбю собрались в одном баре, и они направились в этот бар. Среди тех, кого они застали в баре, были [первый и второй заявителя]. [Второй заявитель] сидел вместе с А., лидером «Сауф Сайд Юнайтед» (*South Side United*), группировки болельщиков из г. Брондбю. В баре была спокойная атмосфера, без признаков насилия. Свидетель некоторое время постоял на улице, пообщался с болельщиками из г. Орхуса. На часах было примерно 13.00. Он и его коллега, а также еще несколько полицейских расположились напротив бара, наблюдая за происходящим. Они получили донесения о том, что болельщики из Дании и Швеции собирались встретиться, чтобы устроить драку. В какой-то момент хулиганы из Дании начали покидать бар, уходя в направлении площади Амагерторв (*Amagertorv Square*) на пешеходно-торговой улице [примерно в 700 метрах от бара].

[Свидетель] работал в специальном патруле в течение четырех лет и несколько раз встречался с [первым и вторым заявителями], которые участвовали в драках во время футбольных матчей. Он видел, как они принимали участие в потасовках и выкрикивали «Уайт Прайд Хулиган» (*White Pride Hooligan*). Он и его коллеги проследовали за группой фанатов и доложили об этом в координационный центр. Когда они приблизились к площади Амагерторв, бронетранспортеры полиции стояли

крест-накрест, не позволяя группе столкнуться со шведскими футбольными фанатами. После этого болельщиков из Дании развернули и провели в переулок, где их зарегистрировали и обыскали.

Свидетель и его коллеги получили указание из координационного центра выбрать двух лидеров среди болельщиков г. Орхуса. Они выбрали [второго и третьего заявителей]. Всё прошло спокойно. [Второго заявителя] доставили в полицейский участок, поскольку они видели, как он разговаривал с А., и потому, что знали его раньше. [Третьего заявителя] также доставили в полицейский участок, так как они знали его ранее. [Свидетель] составил рапорт об осуществленных задержаниях через пару часов. Отвечая на вопросы по поводу задержания (страницы 46 материалов дела (внизу) и продолжение на странице 47 (вверху) [составленного ими рапорта]), в соответствии с которыми [второй и третий заявителя] отдали несколько приказов другим болельщикам из г. Орхуса, свидетель сообщил, что он не помнил подробностей, но если он это написал, то так оно и было. Целью задержания этих двух лиц были создание спокойной атмосферы и предупреждение взаимных столкновений. Безусловно, им удалось это сделать, поскольку он лично присутствовал на матче сборных Дании и Швеции, и было очевидно, что футбольным хулиганам из г. Орхуса не хватало человека, кто мог бы руководить ими. Когда группу из бара вели в сторону переулка, несколько человек, вероятно, попытались затеряться в толпе, но группа болельщиков следовала указаниям полиции.

Группировка «Уайт Прайд» известна своей высокой организованностью, и было ясно, что кто-то руководит ими. Приказы поступали от лидеров, и эти приказы исполнялись. Три группировки, присутствовавшие в баре, были из городов Орхуса, Брондбю и Люнбю, и обычно они не дружили между собой. Они вышли вместе и единой группой пошли в направлении площади Амагерторв, где предположительно находились болельщики-хулиганы из Швеции».

23. Констебль полиции M.W. пояснил следующее:

«...Он принимал участие в полицейской операции в г. Копенгагене 10 октября 2009 г. в качестве проводника служебной собаки. Он участвовал в административном задержании какого-то лица [первого заявителя] на площади Аксельторв. Он не помнил имени этого человека, но это был единственный человек, в задержании которого он участвовал. Он и его коллега сидели в машине и наблюдали за площадью Аксельторв, когда мужчина 40–45 лет, державший за руку своего сына в возрасте около пяти лет, сказал им, что трое человек, на которых он показал с небольшого расстояния, планировали драку, обзванивая друзей и сообщая им о сборе у входа в Сады Тиволи с целью попытаться развязать драку с некоторыми болельщиками из Швеции. Этот мужчина подслушал их разговоры по телефону незадолго до того, как сообщил об этом сотрудникам полиции, и обратил внимание на одного из троих лиц. В это время тот как раз разговаривал по телефону. Свидетель и его коллега решили, что лицу, сообщившему данную информацию, можно было беспрекословно доверять, он не выглядел как обычный футбольный болельщик.

Свидетель продолжил следить за лицом, разговаривавшим по телефону. Когда эти три человека заметили, что свидетель и его коллега наблюдают за ними, они разошлись в разных направлениях. После этого свидетель задержал человека с телефоном. Его коллеги, подъехавшие тем временем на полицейском бронетранспортере, задержали оставшихся двух фанатов...».

24. Главный инспектор P.J. утверждал следующее:

«...Он участвовал в распределении задержанных по камерам, в подтверждении законности задержания и освобождении задержанных. Когда полиция г. Копенгагена планировала полномасштабные операции и ожидала задержания большого количества людей, его обычно назначали лицом, ответственным за проверку соблюдения стандартных процедур при помещении задержанных в камеру в полицейском участке района Беллахей.

В рассматриваемый вечер ему помогали два руководителя, каждому из которых двое коллег помогали обыскивать и фотографировать задержанных. Дополнительную помощь оказывали еще 10 полицейских. Одной из его задач было обеспечение соблюдения шестичасового срока задержания. Они столкнулись с ситуацией, когда шестичасовой срок, применимый к двум из задержанных на основании Закона «О полиции», истек в 21.50. Он связался с куратором координационного центра до истечения данного срока. Тем временем на улицах начались драки, и куратор координационного центра решил не выпускать указанных лиц. Они не хотели накалять ситуацию. Решение было принято кураторами, поскольку сам свидетель не имел полномочий для принятия подобного решения. Он много раз связывался с координационным центром в течение вечера после 21.30. До 23.00 в полицейский участок поступило большое количество задержанных, всего 136 человек. Половина из них была задержана на основании Закона «О полиции». Он регулярно задавал вопрос о том, когда начинать освобождение задержанных лиц. Он не называл конкретных имен, но общая оценка обстановки велась на постоянной основе для всех задержанных с момента, когда начал истекать установленный законодательством шестичасовой срок. Сообщения по радиации позволяли ему следить за развитием событий, поэтому он знал, когда ситуация начала успокаиваться после задержаний во внутреннем дворе дома «Болтенс Горд». Наконец, ему сказали, что можно освобождать лиц, задержанных на основании Закона «О полиции». Он не вел учета всех телефонных разговоров, поэтому не мог сказать точное время, когда он получил такое сообщение. Насколько он помнил, скорее всего, среди задержанных был один несовершеннолетний, его забрали родители до истечения шестичасового срока, но больше никого не освободили ранее первых двух задержанных. Весьма вероятно, что некоторые из его коллег начали выводить задержанных из камер до истечения шестичасового срока, когда они получили информацию из координационного центра, поскольку всем было хорошо известно правило о шестичасовом сроке задержания. Если соответствующих лиц впоследствии возвращали в камеры, то это происходило на основании приказа, поступившего из координационного центра, о необходимости дальнейшего задержания».

25. 25 ноября 2010 г. городской суд вынес решение не в пользу заявителей, приведя следующие мотивы:

«В соответствии с пунктом 2 статьи 469 Закона «Об административном производстве» полиция г. Копенгагена должна была передать вопрос в суд в течение пяти дней с момента поступления ходатайства. Тем не менее суд считает, что нарушение данного срока как таковое не влечет ответственность, которая позволила бы истцам надеяться на предоставление компенсации.

Принимая во внимание имеющиеся доказательства, суд установил, что полиция г. Копенгагена незадолго до футбольного матча между сборными Дании и Швеции, который должен был состояться 10 октября 2009 г., получила оперативные данные о том, что группировки футбольных болельщиков из Дании и Швеции договорились о встрече в связи с матчем, а также что полиция зафиксировала первое крупное столкновение между датскими и шведскими футбольными фанатами в районе площади Амагерторв в 15.41. Это свидетельствовало о наличии конкретного и неизбежного риска нарушения общественного порядка, и полиция была обязана попытаться предотвратить беспорядки (см. пункт 1 статьи 5 Закона «О полиции»).

В соответствии с показаниями, данными констеблем полиции P.W., в сравнении с полицейским рапортом, подготовленным тем же свидетелем 1 октября 2009 г. (листы материалов дела 47 и 48), суд считает установленным тот факт, что [второй и третий заявители] были задержаны после того, как свидетель увидел их 10 октября 2009 г. разговаривающими с активным членом группировки «Сауф Сайд Юнайтед» из г. Брондбю и отдающими приказы другим болельщикам, при этом сотрудники полиции хорошо знали этих людей, поскольку они уже несколько раз задерживали их в связи с проведением аналогичных футбольных мероприятий.

Суд также установил на основании показаний констебля полиции M.W., в сравнении с показаниями главного инспектора B.O., что [первый заявитель], которого также несколько раз ранее задерживали при проведении аналогичных мероприятий, был задержан, поскольку человек, который, по мнению M.W. и его коллеги, заслуживал доверия, по собственной инициативе обратился к нему, рассказав, что он подслушал разговор человека (при этом указал на [первого заявителя]), который звонил по телефону другим людям и предлагал им присоединиться к нему в драке со шведскими футбольными фанатами в Садах Тиволи.

Менее радикальные меры нельзя было признать достаточными для предотвращения риска дополнительной дестабилизации обстановки при имевшихся обстоятельствах, и суд счел, что полиция г. Копенгагена не превысила своих полномочий, задержав [заявителей] на основании пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции».

Принимая во внимание доказательства, суд счел установленным тот факт, что в течение дня и вечером были задержаны около 138 человек, из них половина – на основании Закона «О полиции», и что беспорядки продолжались всю вторую половину дня и весь вечер, и что истцы были освобождены.

дены, как только в центр города вернулись тишина и спокойствие, а именно, по оценке полиции, после задержания группы из 35 болельщиков из Дании ближе к полуночи. При обстоятельстве из настоящего дела суд признал, что отсутствовали основания для признания недействительной оценки, осуществленной полицией, в соответствии с которой освобождение заключенных до того, как был обеспечен порядок в центре города, повлекло бы за собой конкретный и неизбежный риск нарушения общественного порядка, в том числе столкновений со зрителями, которых выпускали со стадиона по окончании матча и которые по-прежнему заполняли улицы.

Во втором предложении пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции» говорилось о том, что срок задержания должен быть максимально коротким и по возможности не превышать шести часов. В соответствии с подготовительными материалами к данному положению, содержащимися во второй колонке на странице 32 законопроекта от 2 апреля 2004 г. № 159, цель задержания должна учитываться при осуществлении данной оценки, и любое задержанное лицо должно быть освобождено, если устранены обстоятельства, на основании которых было осуществлено задержание. Из подготовительных материалов к тому же положению следует, что обычно шестичасовой срок может быть превышен лишь при осуществлении задержания большого количества людей, когда время, затраченное на доставку задержанных в полицейский участок, регистрацию и установление личности задержанных, делает практически невозможным соблюдение правила о шестичасовом сроке.

В то время как намерением законодателя при разработке данного положения была возможность продления срока задержания сверх шести часов лишь в исключительных случаях, если продление не оправдано практическими трудностями, возникающими при задержании большого количества людей, что делает невозможным соблюдение максимального срока, суд, учитывая вышеуказанные основания, цель задержаний в сравнении с организованным характером, масштабами и продолжительностью беспорядков, а также конкретные временные интервалы, на которые был превышен максимальный срок, счел, что условия для задержания [заявителей] на срок более шести часов были соблюдены. Соответственно, отсутствовали основания для присуждения [заявителям] компенсации».

26. По причинам, изложенным городским судом, 6 сентября 2011 г. Высокий суд Западной Дании (*Vestre Landsret*) оставил апелляционную жалобу без удовлетворения, а решение городского суда – без изменения.

27. 12 декабря 2011 г. коллегия по выдаче разрешений на подачу апелляционных жалоб (*Procesbevillingsnævnet*) признала, что дело не затрагивало принципиальных вопросов, и отказалась выдать разрешение на подачу жалобы в Верховный суд Дании (*Højesteret*).

28. По-видимому, 49 лицам (в число которых не входили заявители) были предъявлены обвинения в совершении преступлений в день матча, в частно-

сти, в нарушении Приказа о мерах, принимаемых полицией для поддержания общественного порядка и обеспечения безопасности общества и безопасности личности (*Bekendtgørelse om politiets sikring af den offentlige orden og beskyttelse af enkeltpersoners og den offentlige sikkerhed mv., samt politiets adgang til at iværksætte midlertidige foranstaltninger*) (см. § 33 настоящего Постановления). Тем не менее эти обвинения были впоследствии сняты, поскольку было невозможно собрать достаточные доказательства того, что каждый из обвиняемых совершил одно или несколько преступных деяний. Один обвиняемый был осужден на основании статьи 119 Уголовного кодекса Дании (далее – УК Дании) за то, что кинул стеклянный предмет в начальника полиции, и еще один человек был осужден на основании статьи 121 УК Дании за устное оскорбление сотрудника полиции, находившегося при исполнении служебных обязанностей.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДАНИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

29. Соответствующие положения Закона «О полиции» (от 9 сентября 2004 г. № 444), касающиеся порядка и безопасности, предусматривают следующее:

«Статья 4

1. Задачей полиции является предупреждение любых рисков нарушения общественного порядка и любой угрозы посягательства на общественную безопасность и безопасность личности.

2. В той степени, в которой это необходимо для предупреждения посягательств, указанных в пункте 1, полиция может освобождать, оцеплять или ограничивать доступ в отношении определенных территорий.

Статья 5

1. Полиция обязана предупреждать любые риски нарушения общественного порядка и любую опасность посягательства на общественную безопасность или безопасность личности.

2. Для предупреждения рисков и угроз, указанных в пункте 1, полиция может принимать меры в отношении любого лица, создающего такую опасность. Для этого полиция вправе:

(i) издавать приказы;

(ii) проводить обыск соответствующих лиц, осматривать их одежду и другие вещи, в том числе принадлежащие им транспортные средства, если имеется подозрение в том, что при них имеются предметы, предназначенные для посягательства на общественный порядок, общественную безопасность или безопасность личности, и

(iii) изымать вещи у соответствующих лиц.

3. Если менее интрузивные меры, перечисленные в пункте 2, не способны предупредить риски и угрозы, полиция может в случае необходимости

задержать лицо (лиц), создающее (-ие) эти риски или угрозы. Срок такого задержания должен быть как можно более кратким и умеренным (*skånsom*) и по возможности не должен превышать шесть часов.

4. Полиция может проникать на территории ограниченного доступа без санкции суда, когда это необходимо для предупреждения угрозы, указанной в пункте 1».

30. Задержание на основании пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции» не является мерой уголовно-правового характера (в отличие от задержания на основании статьи 755 Закона «Об отправлении правосудия», см. § 35 настоящего Постановления). Целью задержания, осуществляемого на основании пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции», не является доставление лица в суд и оценка правомерности продления срока задержания. Однако вопрос о правомерности принятия данной меры может быть передан на рассмотрение суда. В соответствии с подготовительными материалами к Закону «О полиции» задержание, осуществляемое на основании пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции», не должно применяться в целях проведения расследования или принятия уголовно-правовых мер. Условие о том, что лицо должно создавать «риск или угрозу», предполагает, что должны быть установлены конкретный и неизбежный риск нарушения общественного порядка или опасность посягательства на общественную безопасность или безопасность личности. Ключевым фактором является вероятность реализации риска или угрозы в случае, если полиция не вмешается. Тот факт, что лицо является известным нарушителем общественного порядка, сам по себе не оправдывает принятие таких мер. Однако опыт общения с лицом или группой лиц может приниматься во внимание наряду с существующими обстоятельствами. Ответ на вопрос о том, является ли риск или угроза достаточным основанием для принятия меры, зависит от оценки индивидуальной ситуации со стороны полиции. Что касается формулировки «по возможности не должен превышать шесть часов», в подготовительных материалах подчеркивается, что данный срок должен исчисляться в каждом конкретном случае с момента задержания. Время, ушедшее на транспортировку задержанного до полицейского участка, должно включаться в общий срок задержания. Кроме того, шестичасовой срок по общему правилу может быть превышен лишь в случае проведения операций, в ходе которых задерживается большое количество лиц, когда время, затраченное на доставку задержанных в полицейский участок, регистрацию и установление личности задержанных, делает практически невозможным соблюдение правила о шестичасовом сроке.

31. Статья 469 Закона «Об отправлении правосудия» посвящена судебному контролю за задержаниями, не являющимися мерами уголовно-правового характера. Ходатайство об осуществлении судебного контроля передается в орган, принявший реше-

ние о задержании, после чего данный орган обязан передать дело в районный суд в течение пяти рабочих дней с момента подачи ходатайства.

32. В законодательстве Дании действует ряд положений, которые могут применяться в случае столкновения хулиганов и нарушения общественного порядка и нарушение которых может повлечь назначение штрафа и/или лишения свободы. Эти положения вытекают из Приказа о мерах, принимаемых полицией для поддержания общественного порядка и обеспечения безопасности общества и личности, и т.д., и о праве полиции принимать меры временного характера (далее – Приказ о мерах, принимаемых полицией) и УК Дании (*Straffeloven*).

33. Приказ о мерах, принимаемых полицией, в соответствующих частях предусматривает следующее:

«Статья 3

1. Не допускаются драки, крики, возгласы и другие виды громкого, агрессивного, оскорбительного и аналогичного поведения, способного нарушить общественный порядок...

Статья 18

(1) Нарушение положений статей 3... наказывается штрафом. При назначении наказания особое значение должно придаваться поддержанию общественного порядка и обеспечению безопасности общества и личности. При назначении наказания за нарушение пункта 1 статьи 3... факт совершения деяния во время или сразу после грубого нарушения общественного порядка в публичном месте неподалеку рассматривается в качествеотягчающего обстоятельства. Однако третье предложение настоящего пункта применяется только в случае умысла соответствующего лица на совершение грубого нарушения общественного порядка в публичном месте...».

34. УК Дании в соответствующих частях гласит следующее:

«Статья 134a

Любые участники уличных драк или любого другого грубого нарушения общественного порядка в публичном месте, если они действуют по предварительномуговору или в соучастии, наказываются лишением свободы сроком до одного года и шести месяцев...

Статья 244

Любое лицо, которое совершает насильственное деяние против другого лица или иным образом нападает на это лицо, наказывается штрафом или лишением свободы сроком до трех лет.

Статья 245

1) Любое лицо, которое совершает нападение особо опасным или жестоким способом, или опасного характера или которое виновно в жестоком обращении, наказывается лишением свободы сроком до шести лет. Причинение в результате такого нападения тяжкого вред здоровью другого лица

рассматривается в качестве особо отягчающего обстоятельства.

2) Любое лицо, которое при обстоятельствах, отличных от указанных в пункте 1 выше, причиняет вред здоровью другого лица, наказывается лишением свободы сроком до шести лет...

Статья 291

1) Любое лицо, которое разрушает, повреждает или уничтожает предметы, принадлежащие другим лицам, наказывается штрафом или лишением свободы сроком до одного года и шести месяцев.

2) В случае, если вред причинен в результате совершения преступных действий тяжкого, систематического или организованного характера либо если преступник ранее привлекался к уголовной ответственности на основании статьи 291... срок наказания может быть увеличен до шести лет лишения свободы...

4) При назначении наказания в соответствии с пунктами 1 и 2 факт совершения деяния во время или сразу после грубого нарушения спокойствия в публичном месте неподалеку рассматривается в качестве отягчающего обстоятельства...

35. Соответствующие положения о задержании в рамках уголовного преследования содержатся в Законе «Об отправлении правосудия»:

«Статья 755

1) Полиция вправе задержать любое лицо, в отношении которого имеются обоснованные подозрения в совершении данным лицом преступления, подлежащего публичному преследованию, если такое задержание необходимо для предотвращения дальнейшей преступной деятельности, обеспечения немедленного присутствия соответствующего лица либо предупреждения объединения данного лица с другими лицами...

4) Осуществление задержания не допускается, если ввиду характера дела или обстоятельств в целом лишение свободы представляет собой несоизмеримую меру...

Статья 760

1) Любое задержанное лицо подлежит освобождению, как только отпадают основания для его задержания. Время освобождения должно быть зафиксировано в рапорте.

2) Если задержанное лицо не освобождено, оно доставляется к судье в течение двадцати четырех часов после его задержания. Время задержания и время рассмотрения судьей вопроса о правомерности задержания должны быть зафиксированы в протоколе судебного заседания».

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МАТЕРИАЛЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ

А. РАЗРАБОТКА ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

36. Европейский Суд отмечает, что проект конвенции и доклад, подготовленные Консультативной

ассамблеей Совета Европы, а также рабочие документы Секретариата Совета Европы были переданы на рассмотрение комитета экспертов, состоявшего из правительственных юристов, законодателей, судей и преподавателей права из 12 государств, являвшихся в то время членами Совета Европы. Они встречались в период со 2 февраля до 10 марта 1950 г. Доклад комитета экспертов был передан Конференции высокопоставленных должностных лиц с целью подготовки решения относительно окончательной редакции текста проекта, подлежащего направлению в Консультативную ассамблею, которое, в конечном счете, должен был принять Комитет министров Совета Европы.

37. Первоначальная редакция подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (созданная под влиянием статьи 9 проекта Международного пакта о правах человека) предусматривала (см. материалы разработки статьи 5 Конвенции, двуязычная версия, CDH(67)10, с. 14):

«1. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...(с) задержание лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения, или обоснованно признанное необходимым для того, чтобы предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения...».

38. В ходе второй сессии Комитета экспертов в текст были внесены следующие изменения (пункт 1 статьи 7 «предварительного проекта» Конвенции, *ibid.*, с. 22–23):

«(с) законное¹ задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения, или обоснованно признанное необходимым для того, чтобы предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения...».

39. Текст пункта 3 статьи 7 проекта Конвенции (соответствующего пункту 3 статьи 5 Конвенции) претерпел следующие изменения:

«Любой задержанный или заключенный под стражу по обвинению в совершении преступления или с тем, чтобы предотвратить совершение им правонарушения, незамедлительно доставляется к судье или...».

40. «Первый проект» Конвенции после Конференции высокопоставленных должностных лиц (*ibid.*, с. 29) воспроизводил текст вышеуказанных положений с учетом изменений в качестве подпункта «с» пункта 2 статьи 5 и пункта 4 статьи 5 соответственно (*ibid.*, с. 30).

¹ Здесь и далее текст выделен курсивом/полужирным шрифтом или подчеркнут в соответствии с текстом оригинала Постановления (примеч. редактора).

41. Во «втором проекте» Конвенции (*ibid.*, с. 30–31) пункт 2 статьи 5 вошел в состав пункта 1 статьи 5, а пункт 4 стал пунктом 3 со следующим изменением:

«3. Любой задержанный или заключенный под стражу по обвинению в совершении преступления [удалено: “или с тем, чтобы предотвратить совершение им правонарушения”] в соответствии с подпунктом “с” пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или...».

42. В докладе Конференции высокопоставленных должностных лиц Комитету министров Совета Европы по поводу подпункта «с» пункта 1 и пункта 3 статьи 5 второго проекта (*ibid.*, с. 32) было указано следующее:

«Конференция считает полезным подчеркнуть, что законное задержание, которое производится по обоснованному подозрению в предотвращении совершения преступления, не должно предоставлять возможность режиму полицейского государства. Тем не менее иногда может быть необходимо при определенных обстоятельствах задержать лицо с целью предотвратить совершение им правонарушения, даже если факты, указывающие на его намерение совершить преступление, сами по себе не содержат элементов состава преступления. Во избежание возможных злоупотреблений данным правом со стороны государственных органов пункт 2 статьи 13 [данное положение предусматривало собой статью 18 Конвенции] подлежит строгому применению».

Делегация от Соединенного Королевства представила следующие комментарии относительно данных положений (*ibid.*, с. 33):

«...Выражение “по обоснованному подозрению в предотвращении совершения преступления” бесмысленно. Следует использовать формулировку, использованную в пункте 1 статьи 5 Конвенции: “по основаниям, при которых оно обоснованно признано необходимым для того, чтобы предотвратить”».

43. После пятой сессии Комитета министров Совета Европы, проводившейся с 3 по 9 августа 1950 г., текст пункта 3 статьи 5 Конвенции стал звучать следующим образом (*ibid.*, с. 35):

«3. Каждый задержанный или заключенный под стражу [удалено: “по обвинению в совершении преступления”] в соответствии с подпунктом “с” пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье...».

44. 3 ноября 1950 г., накануне подписания Конвенции (*ibid.*, с. 36–37), Комитет экспертов при финальной вычитке текста внес небольшие изменения в английскую версию, заменив слова «или обоснованно признанное необходимым для того, чтобы» на «или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо». Поскольку не было дано каких-либо пояснений этому изменению, вероятно, оно было оправдано исключительно лингвистическими соображениями. Ничто не указывает на то, что Комитет экспертов намеревался существенно изменить содержание данного положения или ограничить его объем.

В. КОНВЕНЦИЯ СОВЕТА ЕВРОПЫ ПО ЕДИНОМУ ПОДХОДУ К БЕЗОПАСНОСТИ, ЗАЩИТЕ И ОБСЛУЖИВАНИЮ ВО ВРЕМЯ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И, В ЧАСТНОСТИ, ФУТБОЛЬНЫХ МАТЧЕЙ

45. Основываясь на содержании Европейской конвенции от 19 августа 1985 г. о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий и, в частности, футбольных матчей (ETS № 120), принятой после трагедии на «Эйзеле» в 1985 году, Совет Европы разработал Конвенцию по единому подходу к безопасности, защите и обслуживанию во время спортивных мероприятий и, в частности, футбольных матчей, которая была открыта для подписания 3 июля 2016 г. и вступила в силу 1 ноября 2017 г. (CETS № 218). В соответствующих частях положения данной конвенции предусматривают следующее:

«Статья 2. Цель

Целью настоящей конвенции является обеспечение безопасности, защиты и благоприятной атмосферы на футбольных матчах и других спортивных мероприятиях. Для этого Стороны:

а) принимают единый сбалансированный многосторонний подход к безопасности, защите и обслуживанию в духе эффективного сотрудничества на муниципальном, национальном и международном уровне;

б) гарантируют, чтобы все государственные и частные организации и другие заинтересованные лица признавали, что обеспечение безопасности, защиты и обслуживания не может рассматриваться изолированно, и обеспечение одного компонента может непосредственно повлиять на обеспечение двух других компонентов;

с) учитывают надлежащую практику при разработке единого подхода к безопасности, защите и обслуживанию.

Статья 3. Определения

Для целей настоящей конвенции используются следующие понятия:

...б) “меры защиты” – любые меры, разработанные и реализуемые главным образом с целью предотвращения или снижения риска и/или реагирования на любое насилие или иную преступную деятельность, или неправомерное поведение в связи с футбольными либо иными спортивными мероприятиями на стадионах или за их пределами...

Статья 5. Безопасность, защита и обслуживание на спортивных стадионах

1. Стороны обеспечивают, чтобы национальная нормативная правовая база обязывала организаторов мероприятий после консультации со всеми партнерскими организациями гарантировать безопасность и защиту всех участников и зрителей...

Статья 6. Безопасность, защита и обслуживание в общественных местах

1. Стороны обязуются призывать все организации и заинтересованные стороны, вовлеченные в организацию футбольных матчей и других спортивных мероприятий в общественных местах, включая муниципальные власти, полицию, местное население и предприятия, представителей болельщиков, футбольные клубы и национальные ассоциации к совместной работе, особенно в отношении:

а) оценки риска и подготовки соответствующих предупредительных мер для минимизации неудобства и предоставления гарантии местному населению и предприятиям, в особенности тем, которые находятся в непосредственной близости от места проведения мероприятия или зоны болельщиков;

б) обеспечения безопасности, защиты и создания благоприятной атмосферы в общественных местах, предусмотренных для сбора болельщиков до и после мероприятия, или местах, где ожидается сбор болельщиков по их собственной инициативе, а также на маршрутах движения в город и из города и/или на стадион и со стадиона.

2. Стороны обязуются обеспечивать, чтобы оценка рисков, меры по безопасности и защите принимались с учетом проезда на стадион и со стадиона...

Статья 9. Стратегии и деятельность по охране правопорядка

1. Стороны обязуются обеспечивать, чтобы стратегии по охране правопорядка разрабатывались, регулярно проверялись и совершенствовались с учетом национального и международного опыта и надлежащей практики, а их содержание соответствовало более широкому единому подходу к безопасности, защите и обслуживанию.

2. Стороны обязуются обеспечивать, чтобы в стратегиях по охране правопорядка учитывалась надлежащая практика, включая, в числе прочего, сбор информации, постоянную оценку рисков, реализацию с учетом рисков, соразмерное вмешательство для предотвращения увеличения риска и предотвращения беспорядков, эффективный диалог с болельщиками и широкой общественностью, сбор информации о неправомерной деятельности, а также обмен этой информацией с компетентными органами, ответственными за судебное преследование.

3. Стороны обязуются гарантировать, что органы полиции работают в сотрудничестве с организаторами, болельщиками, местным населением и другими заинтересованными сторонами для проведения футбольных матчей и других спортивных мероприятий в обстановке безопасности, защиты и благоприятной атмосферы для всех заинтересованных лиц.

Статья 10. Предотвращение и реагирование на неправомерное поведение

1. Стороны принимают все возможные меры для уменьшения вероятности совершения гражданами или группами граждан актов насилия или организации общественных беспорядков...».

IV. СРАВНЕНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОЙ ПРАКТИКИ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДОВ

46. В целях рассмотрения настоящего дела Европейский Суд считает полезным изучить Постановление Верховного суда Соединенного Королевства от 15 февраля 2017 г. по делу «Королева против Комиссара полиции Метрополиса» (R v. the Commissioner of Police for the Metropolis), в котором прецедентная практика Европейского Суда в отношении подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции была признана неубедительной. Четверо заявителей по указанному делу были задержаны на пять с половиной часов для предотвращения неминуемого нарушения общественного порядка во время церемонии бракосочетания герцога и герцогини Кембриджских 29 апреля 2011 г. Полиция утверждала, что задержание было обоснованным в соответствии с подпунктами «b» и «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Административный суд решил, что задержание соответствовало подпункту «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Апелляционный суд согласился с этим мнением, но по иным причинам. Он признал, что заявители были задержаны для того, чтобы предстать перед компетентным органом, если бы это потребовалось, для рассмотрения вопроса о продлении срока содержания под стражей на законных основаниях. Апелляционный суд отказался следовать позиции большинства судей, изложенной в Постановлении Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии» ((Ostendorf v. Germany) от 7 марта 2013 г., жалоба № 15598/08), в соответствии с которой подпункт «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции не санкционировал задержание исключительно превентивного характера, не зависящее от наличия достаточных оснований полагать, что может быть совершено правонарушение, и в соответствии с которой должны иметься подозрения в том, что соответствующее лицо уже совершило преступление.

Наконец, Верховный суд Соединенного Королевства проанализировал прецедентную практику Европейского Суда, в частности, не совпадающее с мнением большинства судей отдельное мнение, приложенное к Постановлению Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии», и сделал вывод о том, что задержание являлось правомерным в соответствии с подпунктом «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Лорд-судья Таулсон (Toulson), с которым согласились лорды-судьи Мэнс (Mance), Дайсон (Dyson), Рид (Reed) и Карнуэф (Carnwath), указал, в частности, следующее:

«...31. В этом случае нет ничего произвольного в решениях задержать, заключить под стражу и освободить заявителей. Решения были приняты добросовестно и объяснялись создавшейся обстановкой. Если бы полиция не могла на законных основаниях задержать и заключить под стражу человека на сравнительно короткий срок (слиш-

ком короткий для того, чтобы можно было предстать перед судом) в ситуации, когда такая мера может быть на разумных основаниях признана необходимой для предотвращения насилия, на практике это привело бы к серьезному уменьшению их возможности по выполнению сложной задачи поддержания общественного порядка и безопасности в ходе проведения массовых общественных мероприятий. Это противоречило бы ранее изложенным основополагающим принципам.

32. Однако возникает сложный правовой вопрос о том, каким образом подобное превентивное полномочие может быть связано со статьей 5 Конвенции. Практика Европейского Суда по данному вопросу не является ясной и сформировавшейся, что с очевидностью следует из разделения мнений среди судей Пятой Секции при рассмотрении дела “Остендорф против Германии”. Кроме того, хотя Верховный суд должен принимать во внимание прецедентную практику Европейского Суда, в конечном счете, решение надлежит принимать именно ему.

33. Мнение меньшинства судей по делу “Остендорф против Германии” о том, что подпункт “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции может применяться в случае задержания с превентивной целью, за которым следует быстрое освобождение (то есть до того, как задержанный практически может предстать перед судом), по-моему, является правильным по ряду причин.

34. Прежде всего я согласен с Административным судом в том, что к обстоятельствам дела в большей степени применим подпункт “с”, чем подпункт “b” пункта 1 статьи 5 Конвенции. Формулировка подпункта “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции охватывает три ситуации, из которых вторая применяется в случае, когда “имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушений”.

35. Есть доля истины в доводе, согласно которому толкование, данное большинством судей в деле “Остендорф против Германии”, ведет к слиянию второй ситуации с первой (“по обоснованному подозрению в совершении правонарушения”) и не соответствует Постановлению Европейского Суда по делу “Лоулесс против Ирландии (№ 3)” [(Lawless v. Ireland) (№ 3) от 1 июля 1961 г., Series A, № 3].

36. Полиция признает, что английские суды должны рассматривать Постановление Европейского Суда по делу “Лоулесс против Ирландии (№ 3)” как авторитетный источник, но данное дело не касалось ситуации, когда у полиции были все основания полагать, что риск, ставший основанием для задержания, исчезнет относительно быстро и, весьма вероятно, до того, как представится физическая возможность доставить задержанного к судье. Было бы неправильным, если бы закон требовал в подобных обстоятельствах от полиции, чтобы имелись правовые основания для задержания лица с целью предотвращения неминуемого совершения преступления, а также продлевать срок задержания после исчезновения угрозы вплоть до момента, пока задержанный не получит возможность предстать перед судьей, который предпишет ему не нарушать общественный порядок в будущем. Это увеличило бы срок

задержания и явилось бы лишним бременем для судов и ресурсов полиции.

37. Определенная аналогия может быть проведена с делом Броугана, в котором суд отклонил довод о том, что во время задержания сотрудники полиции должны иметь намерение принудительно доставить задержанное лицо в суд, даже если расследование не установило оснований для этого.

38. Для последовательного толкования статьи 5 Конвенции с учетом ее основополагающей цели я бы рассматривал ограничение права на задержание лица и заключение под стражу, предусмотренное в подпункте “с” пункта 1 в словах “с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом”, как косвенно зависящее от сохранения причины задержания настолько долго, чтобы задержанный мог быть доставлен в суд. В связи с этим я согласен с судьями Лемменсом и Ядерблом, которые в пункте 5 своего совместного отдельного мнения, прилагаемого к Постановлению Европейского Суда по делу “Остендорф против Германии” (§ 25 настоящего Постановления), отметили, что, когда лишение свободы в превентивных целях прекращено быстро, для соблюдения требований статьи 5 Конвенции достаточно, чтобы имелась возможность последующего обжалования в судебном порядке законности данной меры.

39. Я предпочел бы ставить вопрос таким образом, а не делать вывод подобно Апелляционному суду, что *ab initio*¹ существовала условная цель доставить задержанных в суд, хотя это никоим образом не влияет на результат. Я не спорю с выводами Апелляционного суда о том, что задержанные предстали бы перед судом для решения вопроса о законности их продолжительного задержания, если бы было необходимо содержать их под стражей для того, чтобы это произошло. В этом случае дело по сути напоминало бы дело “Никол и Селванейегам против Соединенного Королевства” (Nicol and Selvanayagam v. United Kingdom), в котором заявительницы сначала были задержаны в превентивных целях, затем содержались под стражей и предстали перед судом, который рассмотрел их дело. Если бы раннее освобождение задержанных из-под стражи усилило бы их позицию при подаче жалобы на нарушение статьи 5 Конвенции, чем их положение в случае принятия решения о продлении срока их задержания с тем, чтобы доставить их в суд для вынесения решения, это противоречило бы духу и основополагающей цели статьи 5 Конвенции.

40. Что касается подпункта “b” пункта 1 статьи 5 Конвенции, я склоняюсь к мнению меньшинства судей в Постановлении Европейского Суда по делу “Остендорф против Германии”, согласно которому обязанность должна быть более конкретизированной, чем общая обязанность не совершать преступления (или в настоящем деле не нарушать общественный порядок), и такая общая обязанность не приобретает необходимую степень конкретизации путем узкой фокусировки на конкретных обстоятельствах или напоминания соответствующему лицу об этом при конкретных обстоятельствах. Также существуют факторы практического характера. Полиция может признать необходимым принятие мер для предупреждения

¹ *Ab initio* (лат.) – с самого начала (примеч. переводчика).

дения неминуемого нарушения спокойствия при обстоятельствах, когда недостаточно времени для предупреждения. Примером такой ситуации может стать футбольный матч, в ходе которого встречаются две группы агрессивных настроенных фанатов, и у полицейских нет иного выбора, кроме как лишить свободы либо всех членов этих групп, либо их лидеров на небольшой срок. Подводя итог, я хотел бы выразить озабоченность по поводу того, что, расширяя сферу применения подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции за пределы изначально установленной области, большинство судей сочли необходимым установить ограничения, которые в другой ситуации могли бы оставить полицию фактически беспомощной, когда следует принимать меры по защите общества».

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ В ОДНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

47. Учитывая схожесть фактических обстоятельств дел и поставленных в них правовых вопросов, Европейский Суд считает возможным рассмотреть три жалобы совместно в одном производстве на основании пункта 1 правила 42 Регламента Суда.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

48. Заявители жаловались на то, что они были лишены свободы в нарушение статьи 5 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

a) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

c) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

e) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение

под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

49. Власти Дании не согласились с данной жалобой.

A. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ

50. По мнению Европейского Суда, настоящая жалоба поднимает сложные вопросы факта и права согласно Конвенции, вследствие чего ее нельзя отклонить на основании того, что она является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, не установлено иных оснований для признания жалобы неприемлемой, следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

B. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Доводы сторон

(a) Власти Дании

51. Власти Дании не спорили с тем, что обжалуемое задержание представляло собой меру, связанную с лишением свободы, но настаивали, что данная мера являлась обоснованной в соответствии с подпунктами «b» и «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции и была применена в порядке, установленном законом.

(i) Подпункт «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции

52. Власти Дании утверждали, что в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по

делу «Остендорф против Германии» к задержанию заявителей был применим подпункт «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции, поскольку преследовалась цель не позволить заявителям организовать столкновения между хулиганами и принять участие в них. Заявители были обязаны воздерживаться от совершения преступных деяний, в том числе не подстрекать к дракам и не проявлять иные формы насилия, способные нарушить общественный порядок. Данная обязанность следовала из ряда положений о наказуемых деяниях, в том числе из статьи 3 Приказа о мерах, принимаемых полицией (несоблюдение которой образует состав преступления), статей 134а, 244, 245 и 291 УК Дании. Эта обязанность была конкретизированной и определенной, а время и место совершения преступления, а также потенциальные потерпевшие были указаны с достаточной степенью ясности. Заявителям было известно о массовом присутствии полицейских в городе, и им, несомненно, было понятно, что полиция собралась для того, чтобы предупредить насилие и беспорядки в связи с проведением футбольного матча, тем более, что все трое заявителей ранее задерживались при проведении аналогичных мероприятий. По мнению властей Дании, полицейским не было смысла отдавать заявителям приказы разойтись и воздерживаться от организации/участия в столкновениях, поскольку заявители могли просто скрыться от полицейских и присоединиться к дракам хулиганов в других местах. Также бессмысленным было бы сопровождать их до стадиона, предупредив о задержании, которое грозило им в случае, если они покинут группу хулиганов, как это сделали полицейские в рамках дела «Остендорф против Германии», поскольку многие из них, в том числе третий заявитель, даже не имели билета на матч.

53. Кроме того, поведение заявителей очевидным образом свидетельствовало о том, что они не будут исполнять данную обязанность. Так, первый заявитель был задержан, поскольку один мужчина, вызывавший доверие у полицейских, по собственной инициативе обратился к полицейским, сообщив о подслушанном незадолго до этого телефонном разговоре человека, на которого он показал и который оказался первым заявителем, звонившим другим людям и подстрекавшим их вместе с ним начать драку с футбольными фанатами из Швеции. Второй и третий заявители были задержаны после того, как полицейские заметили их разговаривающими с активным членом местной фанатской группировки «Сауф Сайд Юнайтед» и раздающими приказы третьим лицам.

54. Заявители были освобождены сразу после того, как в городе прекратились драки хулиганов. Последние беспорядки, закончившиеся задержаниями, произошли в период между 22.51 и 23.21, в этот момент в полицейском фургоне находились 35 задержанных (которые были задержаны в 22.51).

Заявители были освобождены в 23.27, 23.34 и 00.06 соответственно, настолько быстро, насколько это было практически возможно.

(ii) Подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции

55. Власти Дании также утверждали, что задержание заявителей являлось обоснованным в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

56. Власти Дании подчеркивали, что заявители были задержаны, поскольку «имелись достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение ими правонарушений», а точнее, они были задержаны на основании пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции» для предупреждения любых рисков нарушения общественного порядка и любой опасности посягательства на общественный порядок и безопасность личности. В распоряжении полиции имелись достаточные факты и информация для того, чтобы убедить объективного наблюдателя в том, что заявители планировали организовать и принять участие в драках футбольных хулиганов, во время которых могли быть совершены отдельные преступления (например, преступления, указанные в статье 3 Приказа о мерах, принимаемых полицией, а также в статьях 134а, 244, 245 и 291 УК Дании).

57. Заявители не были задержаны для того, чтобы возбудить в отношении них уголовные дела. Тем не менее, сославшись, *inter alia*, на упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)» (§ 14) и совпадающее с мнением большинства судей, прилагаемое к упоминавшемуся выше Постановлению Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии», власти Дании утверждали, что тот факт, что задержанному лицу не были предъявлены обвинения и оно не было доставлено в суд, сам по себе не свидетельствует о нарушении первой части пункта 3 статьи 5 Конвенции. Пункт 3 статьи 5 Конвенции не считается нарушенным, если задержанное лицо «быстро» освобождено до того момента, как представится реальная возможность рассмотрения судом вопроса о правомерности задержания. В такой ситуации нет риска произвольного задержания на неопределенный срок.

58. В настоящем деле заявители были освобождены сразу после того, как была устранена угроза, то есть по прошествии семи часов. Было бы неправильным, если бы для того, чтобы административное задержание в превентивных целях являлось правомерным, закон возлагал на полицию обязанность в таком случае лишать задержанного свободы, с тем чтобы доставить его к судье. И если бы заявителю было проще обжаловать нарушение данной статьи в случае быстрого освобождения, нежели при лишении свободы на более долгий срок

с тем, чтобы предстать перед судом, это противоречило бы духу и основополагающей цели статьи 5 Конвенции.

59. Кроме того, в соответствии со статьей 469 Закона «Об отправлении правосудия» заявители могли обжаловать в суд вопрос о правомерности решения полиции об их административном задержании, что они и сделали. Соответственно, законодательство гарантировало право требовать рассмотрения вопроса о лишении свободы и устраняло риск произвольного задержания.

(iii) В порядке, установленном законом

60. Наконец, власти Дании полагали, что задержание заявителей было осуществлено в порядке, установленном законом. Сославшись на пункт 3 статьи 5 Закона «О полиции» и подготовительные материалы, власти Дании утверждали, что указанный закон предоставлял полиции достаточные полномочия для того, чтобы можно было превысить шестичасовой срок в особых случаях. В настоящем деле цель задержания не была бы достигнута, если бы заявителей освободили до окончания шестичасового срока. Власти Дании подчеркивали, что внутригосударственные суды признали, что условия для задержания троих заявителей на срок более шести часов на основании пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции» были соблюдены, учитывая цель задержаний в сравнении с организованным характером, масштабами и продолжительностью беспорядков, а также конкретные временные интервалы, на которые был превышен максимальный срок.

(b) Заявители

61. Заявители утверждали, что их задержание не соответствовало подпунктам «b» и «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Они также считали, что их задержание не было осуществлено в порядке, установленном законом.

(i) Подпункт «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции

62. Заявители считали, что, если в настоящем деле можно было говорить о конкретной обязанности или обязательстве, то эта обязанность или обязательство должны быть такими же, как в деле «Остендорф против Германии», то есть помешать им организовать или принять участие в драках. Однако заявители подчеркивали, что в Постановлении по делу «Остендорф против Германии» Европейский Суд признал, что «...прежде, чем сделать вывод о том, что лицо не исполнило какое-либо свое обязательство, необходимо, чтобы соответствующее лицо было поставлено в известность относительно конкретных действий,

от совершения которых оно должно воздерживаться, и чтобы данное лицо продемонстрировало свое нежелание делать это» (*ibid.*, § 94). Европейский Суд подчеркнул далее, что фактические действия указанного лица должны свидетельствовать о том, что оно будет исполнять соответствующее обязательство. В Постановлении Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии» заявитель был признан «лидером банды», и полиция адресовала ему конкретный и точный приказ не покидать группу болельщиков, с которым он ехал на футбольный матч, а самой группе были разъяснены последствия неисполнения данного приказа. Приказ был отдан после того, как полиция зарегистрировала и обыскала всех членов группы, обнаружив и изъяв у них предметы, обычно используемые футбольными хулиганами в драках.

63. Однако обстоятельства настоящего дела очевидным образом отличались от обстоятельств дела «Остендорф против Германии». Каждый из троих заявителей неизменно следовал всем указаниям полиции, они не получали каких-либо предупреждений о необходимости воздерживаться от определенных действий, не имели при себе предметов, которые свидетельствовали бы об их намерении принять участие в драке, не подстрекали кого-либо к дракам и сами не принимали в них участие.

64. Заявители утверждали, что тот факт, что в городе было много полицейских, по общему правилу не создавал для подданных каких-либо особых обязанностей. Кроме того, по мнению заявителей, усиленное присутствие полиции предполагало, что полицейские могли предупредить потенциальную угрозу менее радикальными средствами, например, средствами, перечисленными в пункте 2 статьи 5 Закона «О полиции», а не прибегать сразу к самой решительной мере, которая имелаась в их распоряжении, а именно к лишению свободы, однако полиция, очевидно, решила еще до мероприятия применять сразу самые радикальные средства.

65. Ссылаясь на подготовительные материалы к Закону «О полиции», заявители также подчеркнули, что тот факт, что их личности были известны сотрудникам полиции, не мог служить основанием для принятия мер на основании статьи 5 Закона «О полиции» и в контексте обязательства воздерживаться от определенных действий не освобождал государственные органы от обязанности информировать всех затронутых лиц о конкретной возложенной на них обязанности.

66. Принимая во внимание вышеизложенное, первый заявитель настаивал на том, что, даже если Европейский Суд, рассмотрев показания анонимного свидетеля, признает установленным, что в отношении него разумно можно было признать, что он нарушил конкретную и определенную обязанность или обязательство, он не был проинформирован об этом обязательстве до задержания.

Кроме того, по словам первого заявителя, его задержание преследовало преимущественно карательную цель, которая не охватывается подпунктом «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции. По мнению первого заявителя, следует признать, что его задержание не соответствовало подпункту «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

67. Второй и третий заявителя считали, что, даже если можно было сказать, что существовало конкретное и определенное обязательство, ничто не позволяло утверждать, что они были проинформированы об этом обязательстве или что они фактически совершили действия, указывавшие на то, что они не будут соблюдать данное обязательство.

(ii) Подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции

68. Заявители ссылались на давно сформировавшуюся прецедентную практику Европейского Суда, в соответствии с которой подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции регулировал лишь задержание и заключение под стражу до суда в рамках производства по уголовному делу.

69. Однако в настоящем деле заявители были задержаны на основании пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции» с целью предотвратить совершение ими правонарушения, а не на основании статьи 755 Закона «Об отправлении правосудия», которая относится к задержанию лица, подозреваемого в совершении преступления. Если Европейский Суд признает, что требуется отойти от существующей прецедентной практики, он всё же должен принять во внимание то обстоятельство, что власти Дании в данном конкретном случае ссылались исключительно на Закон «О полиции».

70. Кроме того, не следует забывать, что в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции каждый задержанный незамедлительно доставляется к судье и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. В настоящем деле заявители не были незамедлительно доставлены к судье, и им не было предложено подобное средство правовой защиты. По этой причине им пришлось обратиться в суд самостоятельно.

71. Наконец, по мнению заявителей, имеющаяся прецедентная практика по подпункту «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции предоставляла внутригосударственным органам достаточно возможностей для задержания в ситуации, когда полиция в целях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности отдала соответствующим лицам приказ действовать определенным образом или воздержаться от совершения определенных действий, а эти лица не подчинились данному приказу. Было бы несоразмерным предоставлять государственным органам возможность ссылаться на подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции в таких ситуациях.

(iii) В порядке, установленном законом

72. Далее заявители утверждали, что их лишение свободы не было осуществлено в порядке, установленном законом, вследствие чего оно не являлось «правомерным» по смыслу статьи 5 Конвенции. В частности, заявители, ссылаясь на подготовительные материалы к Закону «О полиции», утверждали, что пункт 3 статьи 5 указанного закона не допускал административное задержание на срок более шести часов, за исключением ситуаций, когда данный срок превышен в связи с проведением полицейских операций, в ходе которых задерживается большое количество людей, и временные затраты на доставление задержанных в полицейский участок, регистрацию и опознание личности задержанных фактически исключали возможность соблюдения правила о шестичасовом сроке. Однако в настоящем деле первый заявитель был единственным задержанным из большой группы лиц, а второй и третий заявители были задержаны вместе с еще тремя или четырьмя лицами из большой группы лиц, таким образом, в их случае о задержании значительного числа лиц речи не шло. Наконец, заявители утверждали, что фактически их можно было освободить в течение шестичасового срока, что подтверждалось показаниями главного инспектора P.J. (см. § 24 настоящего Постановления).

2. Мнение Европейского Суда

(a) Общие принципы, касающиеся пункта 1 статьи 5 Конвенции

73. Статья 5 Конвенции, как и статьи 2–4 Конвенции, находятся в первом ряду основополагающих прав, обеспечивающих физическую безопасность человека, и, как таковая, она имеет очень важное значение. Ее ключевой задачей является предотвращение лишения свободы в результате произвола или необоснованных действий. В прецедентной практике Европейского Суда можно отметить три основных направления: исчерпывающий набор исключений, которые должны строго толковаться и которые не позволяют приводить широкий спектр обоснований в рамках других положений (в частности, статьи 8–11 Конвенции), неоднократное подчеркивание законности содержания под стражей как в процессуальном, так и в материально-правовом смысле при строгом соблюдении принципа верховенства права и важность оперативности или незамедлительности требуемого судебного контроля (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (Buzadji v. Republic of Moldova) от 5 июля 2016 г., жалоба № 23755/07¹,

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 5 (примеч. редактора).

§ 84, *ECHR* 2016 (извлечения), а также приведенную в нем прецедентную практику).

(i) Законность

74. Когда речь идет о «законности» задержания, в том числе при рассмотрении вопроса о том, был ли соблюден «порядок, установленный законом», Конвенция отсылает главным образом к внутригосударственному законодательству и указывает на обязанность соблюдать его материально-правовые и процессуальные нормы. Однако соблюдения внутригосударственного законодательства недостаточно, пункт 1 статьи 5 Конвенции требует, чтобы при любом лишении свободы лицо было защищено от произвола (см. среди многих прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов» (*Winterwerp v. Netherlands*) от 24 октября 1979 г., § 37, Series A, № 33, Постановление Европейского Суда по делу «Амююр против Франции» (*Amuur v. France*) от 25 июня 1996 г., § 50, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-III, Постановление Европейского Суда по делу «Чahal против Соединенного Королевства» (*Chahal v. United Kingdom*) от 15 ноября 1996 г., § 118, *Reports* 1996-V, Постановление Европейского Суда по делу «Витольд Литва против Польши» (*Witold Litwa v. Poland*), жалоба № 26629/95, §§ 72–73, *ECHR* 2000-III, и Постановление Европейского Суда по делу «Василева против Дании» (*Vasileva v. Denmark*) от 25 сентября 2003 г., жалоба № 52792/99, § 32).

(ii) Отсутствие произвола

75. Хотя Европейский Суд ранее не формулировал общее определение того, какого рода действия властей могли бы считаться «произволом» для целей применения пункта 1 статьи 5 Конвенции, ключевые принципы по данному вопросу устанавливались от дела к делу. Кроме того, из прецедентной практики очевидно следует, что понятие произвола в контексте статьи 5 Конвенции в определенной степени варьируется в зависимости от категории задержания, о котором идет речь в деле (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства» (*Saadi v. United Kingdom*), жалоба № 13329/03, § 68, *ECHR* 2008).

76. Один общий принцип, установленный в прецедентной практике Европейского Суда, состоит в том, что задержание будет считаться «произвольным» в тех случаях, когда, несмотря на соблюдение буквы внутригосударственного законодательства, имели место элементы недобросовестности или обмана со стороны властей (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Бозано против Франции» (*Bozano v. France*) от 18 декабря 1986 г., § 59, Series A, № 111, упоминавшееся выше

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства», § 69, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Моорен против Германии» (*Mooren v. Germany*) от 9 июля 2009 г., жалоба № 11364/03, §§ 77–79) или когда власти государства-ответчика не попытались правильно применить соответствующее законодательство (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бенхем против Соединенного Королевства» (*Benham v. United Kingdom*) от 10 июня 1996 г., § 47, *Reports* 1996-III, Постановление Европейского Суда по делу «Лю против Российской Федерации» (*Liu v. Russia*) от 6 декабря 2007 г., жалоба № 42086/05¹, § 82, и Постановление Европейского Суда по делу «Мартурана против Италии» (*Marturana v. Italy*) от 4 марта 2008 г., жалоба № 63154/00, § 80).

(ii) Необходимость

77. Применительно к первой части подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (по обоснованному подозрению в совершении правонарушения) Европейский Суд ранее отмечал: «Для того, чтобы лишение свободы не считалось произвольным, недостаточно, чтобы эта мера применялась в соответствии с внутригосударственным законодательством, она должна быть необходима в данных обстоятельствах» (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Ладент против Польши» (*Ladent v. Poland*) от 18 марта 2008 г., жалоба № 11036/03, § 55, Постановление Европейского Суда по делу «Хайрединов против Украины» (*Khayredinov v. Ukraine*) от 14 октября 2010 г., жалоба № 38717/04, § 27, Постановление Европейского Суда по делу «Корнейкова против Украины» (*Korneykova v. Ukraine*) от 19 января 2012 г., жалоба № 39884/05, §§ 34 и 43, и Постановление Европейского Суда по делу «Строган против Украины» (*Strogan v. Ukraine*) от 6 октября 2016 г., жалоба № 30198/11, § 86). Относительно требования о необходимости обоснования содержания под стражей до суда на основании пункта 3 статьи 5 Конвенции в подобных случаях, Европейский Суд ранее признавал, что для этого должны иметься «относящиеся к делу» и «достаточные» основания, и внутригосударственные органы должны проявить «особое усердие» при осуществлении производства по делу. Европейский Суд также подчеркивал, что обоснование любого срока содержания под стражей, каким бы коротким он ни был, должно быть убедительно продемонстрировано властями. Принимая решение о том, следует ли освободить лицо или оставить его под стражей, власти обязаны рассмотреть альтернативные способы обеспечения явки в суд. Содержание

¹ Точнее: «Лю и Лю против Российской Федерации» (*Liu and Liu v. Russia*). См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2008. № 8 (примеч. редактора).

под стражей до суда должно быть необходимым (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова», §§ 87, 102, 122 и 123).

Аналогичным образом Европейский Суд признавал, что концепция произвола в контексте подпунктов «b», «d» и «e» пункта 1 статьи 5 Конвенции также предполагает оценку того, было ли задержание необходимо для достижения заявленной властями цели. Задержание гражданина является такой серьезной мерой, что она оправдана только в качестве крайней меры в тех случаях, когда власти рассмотрели возможность применения других, менее серьезных мер и сочли их недостаточными для обеспечения личных и общественных интересов, которые могут потребовать, чтобы соответствующее лицо было бы подвергнуто задержанию (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства», § 70, а также приведенную в нем прецедентную практику, иной подход, примененный в отношении подпунктов «a» и «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, можно найти в §§ 71 и 72 указанного Постановления).

(b) Вопросы, подлежащие рассмотрению в настоящем деле

78. Стороны не спорили с тем, что заявители в настоящем деле были лишены свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции. Центральным является вопрос о том, было ли задержание заявителей обоснованным в соответствии с подпунктом «b» или подпунктом «c» или одновременно с подпунктами «b» и «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(c) Подпадало ли задержание заявителей в превентивных целях под действие подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции

(i) Принципы, относящиеся к подпункту «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции

79. Задержание может быть допустимым в соответствии с подпунктом «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции, когда оно осуществляется «с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом».

80. Это касается ситуаций, когда законодательство разрешает задержание лица с целью понуждения его к исполнению конкретного и определенного обязательства, ранее возложенного на это лицо, но не исполненного им. Чтобы относиться к сфере действия подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции, задержание и заключение под стражу должны быть направлены на обеспечение исполнения данного обязательства либо непосредственно способствовать этому и не должны быть карательными по своей сути

(см. Решение Европейской комиссии по правам человека по делу «Йохансен против Норвегии» (Johansen v. Norway) от 14 октября 1985 г., жалоба № 10600/83, *Decisions and Reports (DR)* 44, с. 162, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Василева против Дании», § 363, Постановление Европейского Суда по делу «Гатт против Мальты» (Gatt v. Malta), жалоба № 28221/08, § 46, *ECHR* 2010, Постановление Европейского Суда по делу «Осипенко против Украины» (Osypenko v. Ukraine) от 9 ноября 2010 г., жалоба № 4634/04, § 57, Постановление Европейского Суда по делу «Соаре и другие против Румынии» (Soare and Others v. Romania) от 22 февраля 2011 г., жалоба № 24329/02, § 236, и Постановление Европейского Суда по делу «Гётлин против Швеции» (Göthlin v. Sweden) от 16 октября 2014 г., жалоба № 8307/11, § 57). Если распространить действие подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции на наказания, такие наказания будут лишены основополагающих гарантий, закрепленных в подпункте «a» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Энгель и другие против Нидерландов» (Engel and Others v. Netherlands) от 8 июня 1976 г., § 69, Series A, № 22, и упоминавшееся выше Решение Европейской комиссии по правам человека по делу «Йохансен против Норвегии», с. 162).

81. Кроме того, требуется, чтобы обязательство, исполнение которого должно быть обеспечено в соответствии с подпунктом «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции, по своему характеру соответствовало Конвенции (см. Доклад Европейской комиссии по правам человека по делу «Маквей и другие против Соединенного Королевства» (McVeigh and Others v. United Kingdom) от 18 марта 1981 г., жалобы №№ 8022/77, 8025/77 и 8027/77, *DR* 25, § 176, и упоминавшееся выше Решение Европейской комиссии по правам человека по делу «Йохансен против Норвегии», с. 162). Как только соответствующее обязательство исполнено, отпадает основание для задержания согласно подпункту «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Василева против Дании», § 36, Постановление Европейского Суда по делу «Эппле против Германии» (Erple v. Germany) от 24 марта 2005 г., жалоба № 77909/01, § 37, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Осипенко против Украины», § 57, Постановление Европейского Суда по делу «Саригианнис против Италии» (Sarigiannis v. Italy) от 5 апреля 2011 г., жалоба № 14569/05, § 43, и Постановление Европейского Суда по делу «Лолова-Караджова против Болгарии» (Lolova-Karadzova v. Bulgaria) от 27 марта 2012 г., жалоба № 17835/07, § 29).

82. Наконец, следует установить равновесие между важностью в демократическом обществе обеспечивать незамедлительное исполнение соот-

ветствующего обязательства и важностью права на свободу (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Василева против Дании», § 37, «Эппле против Германии», § 37, «Гатт против Мальты», § 46). При установлении данного равновесия существенное значение имеют характер обязательства, вытекающего из соответствующего законодательства, в том числе предмет и цель регулирования данного законодательства, личность задержанного и конкретные обстоятельства, приведшие к задержанию, а также срок задержания (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Василева против Дании», §§ 37–38, а также приведенную в нем прецедентную практику, Постановление Европейского Суда по делу «Илья Стефанов против Болгарии» (*Iliya Stefanov v. Bulgaria*) от 22 мая 2008 г., жалоба № 65755/01, § 72, упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Гатт против Мальты», § 46, и «Соаре и другие против Румынии», § 236).

83. Широкое толкование подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции повлекло бы за собой последствия, несовместимые с принципом верховенства права, лежащего в основе всей Конвенции (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Энгель и другие против Нидерландов», § 69, «Илья Стефанов против Болгарии», § 72, и Постановление Европейского Суда по делу «Швабе и M.G. против Германии» (*Schwabe and M.G. v. Germany*), жалобы №№ 8080/08 и 8577/08, § 82, *ECHR* 2011-VI (извлечения)), а также повлекло бы за собой риск произвольного лишения свободы (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Шимоволос против Российской Федерации» (*Shimovolos v. Russia*) от 21 июня 2011 г., жалоба № 30194/09¹, § 51). Соответственно, на основании подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции не допускается, например, административное задержание с целью понуждения гражданина к исполнению всеобщей обязанности соблюдать законодательство (*ibid.*). Обязательство не совершать преступления может быть признано «конкретным и определенным» для целей подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции лишь в том случае, если в достаточной мере конкретизированы место и время возможного совершения преступления, а также круг потенциальных потерпевших, а также если соответствующее лицо уведомлено о действии, от совершения которого оно должно воздержаться, и если это лицо продемонстрировало, что оно не хочет воздерживаться от его совершения (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Швабе и M.G. против Германии», §§ 73 и 82, и «Остендорф против Германии», §§ 69–73, 93–94, 97,

99 и 101). Обязанность не совершать преступления в ближайшем будущем нельзя признать в достаточной мере конкретной и определенной, чтобы можно было говорить о применении подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции, по крайней мере до тех пор, пока не будут назначены и проигнорированы конкретные меры (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Швабе и M.G. против Германии», § 82).

В этой связи следует повторить, что в деле «Швабе и M.G. против Германии» (*ibid.*, § 81) тот факт, что полиция не отдавала подобный приказ, имел важное значение для Европейского Суда, признавшего, что подпункт «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции не подлежал применению в данном случае, и наоборот, то обстоятельство, что полиция отдала соответствующий приказ, имел решающее значение для Европейского Суда, приведшего к противоположным выводам в деле «Остендорф против Германии» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии», § 95). В последнем случае полиция приказала конкретно заявителю до его задержания оставаться с группой футбольных болельщиков и предупредила его явным образом о последствиях неисполнения данного приказа. Кроме того, группа, к которой примкнул заявитель, ранее была обыскана, и у членов группы при себе были обнаружены предметы, обычно используемые футбольными хулиганами в драках.

(ii) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

84. В настоящем деле сторонами не оспаривалось, что до задержания заявителей они не получали конкретных приказов, например, приказа не покидать ту или иную группу лиц или покинуть то или иное место, и их не предупреждали явным образом о последствиях неисполнения данного приказа. Кроме того, полиция не сообщила им, от совершения каких конкретных действий им следовало воздержаться. Также, по-видимому, сотрудники полиции не нашли у кого-либо из членов группы предметы, обычно используемые футбольными хулиганами в драках.

85. Власти Дании утверждали следующее: тот факт, что заявители столкнулись со значительным полицейским присутствием до, во время и после футбольного матча, в достаточной степени предполагал, что они «были осведомлены о конкретных действиях, от совершения которых им следовало воздержаться», а именно о недопустимости подстрекательства к дракам футбольных хулиганов во время и в месте проведения матча.

86. Европейский Суд не удовлетворен данной аргументацией. В частности, он считает, что масштабное присутствие полицейских является

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 1 (примеч. редактора).

обычной ситуацией при проведении массовых мероприятий и не может быть приравнено к крайним мерам, перечисленным в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии» (§ 95), для того чтобы обеспечить информирование лица о конкретных действиях, от совершения которых оно должно воздерживаться. Подобное широкое толкование подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции повлекло бы за собой последствия, несовместимые с принципом верховенства права, лежащего в основе всей Конвенции (см. § 83 настоящего Постановления).

87. Соответственно, учитывая обстоятельства настоящего дела, задержание заявителей не относилось к сфере действия подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(d) Применяется ли подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции к задержанию в превентивных целях вне рамок уголовного преследования

88. Подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции предусматривает возможность лишения свободы в следующем случае:

«законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно представило перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения».

(i) Принципы, относящиеся к подпункту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции

89. В контексте подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции узкое толкование термина «правонарушение» является важной гарантией от произвола. Следует напомнить, что данное положение в соответствии со сложившейся прецедентной практикой Европейского Суда не наделяет государственные органы полномочиями применять в отношении лица или группы лиц, которые воспринимаются властями, независимо от того, верно это или нет, в качестве опасных или predisposed к совершению незаконных действий, общие превентивные меры. Оно лишь предоставляет Договаривающимся Государствам средство для предотвращения конкретного и определенного правонарушения (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Гуццарди против Италии» (*Guzzardi v. Italy*) от 6 ноября 1980 г., § 102, Series A, № 39, Постановление Европейского Суда по делу «Чиулла против Италии» (*Ciulla v. Italy*) от 22 февраля 1989 г., § 40, Series A, № 148, и упоминавшееся выше Постановление Европейского

Суда по делу «Шимоволос против Российской Федерации», § 54) в части, касающейся, например, места и времени его совершения, а также круга потерпевших (см. Постановление Европейского Суда по делу «М. против Германии» (*M. v. Germany*), жалоба № 19359/04, §§ 89 и 102, *ECtHR* 2009). Это следует из использования единственного числа («правонарушение») и из цели статьи 5 Конвенции, состоящей в обеспечении того, чтобы никто не был лишен свободы произвольным образом (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Гуццарди против Италии», § 102, и «М. против Германии», § 89).

90. Однако в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда «правонарушение» не сводится к поведению, квалифицированному в качестве правонарушения во внутригосударственном законодательстве. В Постановлении Европейского Суда по делу «Стил и другие против Соединенного Королевства» (*Steel and Others v. United Kingdom*) от 23 сентября 1998 г., *Reports* 1998-VII, §§ 46–49 и 54–55) Европейский Суд признал, и стороны этого не оспаривали, что деяние, состоящее в «нарушении общественного спокойствия», должно рассматриваться как «правонарушение» по смыслу подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, хотя в английском праве оно таковым не признается. Европейский Суд принимал во внимание (*ibid.*, § 49) характер соответствующего производства и наказание, которое может грозить за совершение данного нарушения. Кроме того, Европейский Суд отметил (*ibid.*, § 55):

«...Концепция нарушения общественного спокойствия была разъяснена английскими судами в течение последних двух десятилетий, поэтому теперь факт нарушения общественного спокойствия считается в достаточной мере установленным лишь в случае, когда лицо причиняет вред или может причинить вред третьим лицам или имуществу либо ведет себя таким образом, что естественным следствием подобного поведения будет провокация других лиц к насилию... Также очевидно, что лицо может быть задержано в связи с посягательством на общественное спокойствие или когда имеются основания полагать, что данное лицо может спровоцировать посягательство на общественное спокойствие...»

Следовательно, Европейский Суд считает, что соответствующие правовые положения обеспечивали достаточные ориентиры и были сформулированы с точностью, требуемой в соответствии с Конвенцией (см. Постановление Европейского Суда по делу «Лариссис и другие против Греции» (*Larissis and Others v. Greece*) от 24 февраля 1998 г., жалоба № 23372/94¹, *Reports* 1998-I, с. 377, § 34).

91. Условие о том, что нельзя допускать произвол, также требует, чтобы как санкция на задержание, так и производство задержания реально соответствовали цели ограничений, разрешен-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 2 (примеч. редактора).

ных соответствующим подпунктом пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства», § 69). В случаях, когда, например, внутригосударственные органы пытаются обосновать задержание на основании первой части подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (с тем, чтобы задержанное лицо предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения), Европейский Суд настаивает на том, что внутригосударственные органы должны предоставить факты и информацию, которые могли бы убедить объективного наблюдателя в том, что задержанное лицо могло совершить рассматриваемое правонарушение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Джеймс, Веллз и Ли против Соединенного Королевства» (James, Wells and Lee v. United Kingdom) от 18 сентября 2012 г., жалоба № 25119/09 и две другие, § 193, и Постановление Европейского Суда по делу «О'Хара против Соединенного Королевства» (O'Hara v. United Kingdom), жалоба № 37555/97, §§ 34–35, ECHR 2001-X). Аналогичным образом Европейский Суд считает, что для того, чтобы задержание могло быть обоснованным на основании второй части подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, власти государства-ответчика должны убедительно продемонстрировать, что соответствующее лицо с высокой степенью вероятности было бы причастно к конкретному и определенному правонарушению, если не предотвратить совершение данного правонарушения путем задержания этого лица.

92. Наконец, в контексте подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции мотивировка решения о задержании является важным фактором при определении того, следует ли признать задержание произвольным. В отношении первой части подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции Европейский Суд признавал, что отсутствие в решениях судебных органов каких-либо оснований для продления срока задержания является несовместимым с принципом защиты от произвола, закрепленным в пункте 1 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Уртанс против Латвии» (Urtāns v. Latvia) от 28 октября 2014 г., жалоба № 16858/11, § 28). Наоборот, Европейский Суд приходил к выводу, что заключение заявителя под стражу нельзя признать произвольным, если внутригосударственный суд указал определенные основания, оправдывающие продление срока содержания под стражей, если только указанные основания не являются крайне лаконичными и не содержат ссылки на какую-либо норму права, допускающую заключение заявителя под стражу (*ibid.*, см. также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Моорен против Германии», § 79, а также приведенную в нем прецедентную практику).

(ii) Вопрос, подлежащий рассмотрению в настоящем деле

93. В рамках упоминавшегося выше Постановления по делу «Остендорф против Германии» (§ 83) Европейский Суд уже рассматривал вопрос о том, охватывала ли вторая часть подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (то есть положение, «когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения») случаи задержания, «служившего единственной (превентивной) цели обеспечения несовершения [заявителем] правонарушений в ходе хулиганской драки». Европейский Суд отрицательно ответил на данный вопрос (*ibid.*, §§ 77–89), отметив при этом, что он осознает, какое значение имеет в правовой системе Германии полицейское задержание в превентивных целях для предотвращения угроз для жизни и здоровья потенциальных потерпевших, а также риска причинения значительного материального ущерба, в частности, в ситуациях, когда необходимо поддерживать порядок во время массовых мероприятий с участием большого количества людей (*ibid.*, § 88).

94. Учитывая большое количество случаев в течение последних десятилетий, когда футбольные матчи или другие массовые мероприятия спортивного и неспортивного характера провоцировали насилие, по мнению Европейского Суда, можно утверждать, что большинство государств-членов сталкиваются с аналогичными трудностями.

95. Стремясь толковать и применять Конвенцию, надлежащим образом принимая во внимание установленные проблемы и обеспечивая эффективную защиту прав человека, Европейский Суд использует данную возможность, чтобы изучить вопрос о том, необходимо ли уточнить прецедентную практику, относящуюся к подпункту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

96. В этом отношении ключевым является вопрос о том, следует ли слова «когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения» (вторая часть подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции) рассматривать как отдельное основание для лишения свободы, не зависящее от наличия «обоснованного подозрения в совершении правонарушения» (первая часть данной нормы Конвенции).

97. Во-первых, Европейский Суд проанализирует, каким образом вторая часть толковалась и применялась в отношении первой части до настоящего времени.

Во-вторых, Европейский Суд рассмотрит вопрос о том, создает ли требование о «цели», содержащееся в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции («с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом»), какие-либо конкретные препятствия для применения второй части подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции к случаям задержа-

ния в превентивных целях. В-третьих, если к случаям задержания в превентивных целях можно применять вторую часть подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, Европейский Суд оценит, каким образом следует применять дополнительные гарантии, содержащиеся в пунктах 3 и 5 статьи 5 Конвенции, для обеспечения того, чтобы задержание не было произвольным или несоразмерным.

(iii) О пределах рассмотрения второй части подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции в качестве отдельного основания, отличного от первой части данного положения

98. Прежде всего следует отметить, что подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции предусматривает возможность правомерного задержания или заключения под стражу лица в трех отдельных случаях: (1) «по обоснованному подозрению в совершении правонарушения», (2) «когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения» и (3) «когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо помешать ему скрыться после... совершения [преступления]».

99. О том, что вторая часть положения задумывалась как отдельное основание для задержания, указывается в докладе Конференции высокопоставленных должностных лиц Комитету министров Совета Европы по поводу подпункта «с» пункта 1 и пункта 3 статьи 5 второго проекта (с. 32), в котором было сказано следующее (§ 42 настоящего Постановления, текст выделен Европейским Судом):

«Конференция считает полезным подчеркнуть, что законное задержание, которое производится по обоснованному подозрению в предотвращении совершения преступления, не должно предоставлять возможность режиму полицейского государства. Тем не менее иногда может быть необходимо при определенных обстоятельствах задержать лицо с целью предотвратить совершение им правонарушения, даже если факты, указывающие на его намерение совершить преступление, сами по себе не содержат элементов состава преступления...».

Тем не менее прецедентная практика Европейского Суда по данному вопросу менее однозначна.

(α) *Постановление Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии»*

100. Постановление Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии», одно из новых постановлений по данному вопросу, активно использовалось сторонами настоящего дела в споре о том, охватывалось ли задержание заявителей

подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. § 93 настоящего Постановления).

101. Из Постановления Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии» следует, что основным мотивом для признания подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции не подлежащим применению было то, что он допускал лишение свободы лишь в рамках уголовного преследования и регулировал случаи заключения под стражу до суда (*ibid.*, §§ 66–68). Данное толкование несколько раз в различных выражениях было повторено в указанном Постановлении, например в § 82: «вторая часть подпункта “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции... регулирует лишь случаи заключения под стражу до суда и не применяется к заключению под стражу в превентивных целях, при котором соответствующее лицо не подозревается в совершении преступления». В параграфе 86 указанного Постановления Европейский Суд признал, что «задержание и заключение под стражу на основании подпункта “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции может быть применено к лицу, совершившему уголовно наказуемое приготовление к преступлению с целью предотвратить совершение им самого преступления». Данное толкование опирается на требования подпункта «с» пункта 1 и пункта 3 статьи 5 Конвенции о том, что лишение лица свободы должно осуществляться «с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом» и что данное лицо «незамедлительно доставляется к судье» и «имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока» на основании пункта 3 статьи 5 Конвенции (*ibid.*, §§ 68, 82, 85 и 86), а также на имевшуюся прецедентную практику Европейского Суда (*ibid.*, §§ 67–69), в соответствии с которой подпункт «с» пункта 3 статьи 5 Конвенции допускал лишение свободы лишь в рамках уголовного преследования. Данная линия прецедентной практики восходит к упоминавшемуся выше Постановлению Европейского Суда по делу «Чиулла против Италии» и была подтверждена в Постановлении Европейского Суда по делу «Йечиус против Литвы» (*Jėčius v. Lithuania*), жалоба № 34578/97, *ECHR* 2000-IX), в упоминавшихся выше Постановлениях Европейского Суда по делам «Эппле против Германии» (§ 35) и «Швабе и М.Г. против Германии» (§ 72). Аналогичный вывод можно найти в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хассан против Соединенного Королевства» (*Hassan v. United Kingdom*), жалоба № 29750/09, § 97, *ECHR* 2014).

102. Далее Европейский Суд принимает во внимание отдельное (совпадающее с мнением большинства судей) мнение судей Лемменса и Ядерблом, прилагаемое к Постановлению Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии», в котором они не согласились с вышеописанным толкованием и ссылались на толкование, приведенное в Постановлении Европейского Суда по делу «Лоулесс

против Ирландии (№ 3)» на начальном этапе развития прецедентной практики по Конвенции. Не так давно указанное отдельное мнение было поддержано Верховным судом Соединенного Королевства, который в Постановлении от 15 февраля 2017 г. по делу «Королева против Комиссара полиции Метрополиса» (см. § 46 настоящего Постановления) высказал явное предпочтение в пользу линии прецедентной практики, вытекающей из Постановления Европейского Суда по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)».

103. В настоящем деле выяснилась необходимость повторения и уточнения Европейским Судом своей прецедентной практики не столько с целью обеспечить большую последовательность и согласованность практики, сколько для того, чтобы более предметно рассмотреть современные проблемы общества, затронутые в данном деле.

(β) Постановление Европейского Суда по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)» и прецедентная практика, сформировавшаяся на его основе

104. В деле «Лоулесс против Ирландии (№ 3)», которое стало первым делом Европейского Суда по вопросу применения положений, рассматриваемых в настоящем деле, власти Ирландии лишили свободы членов ИРА¹ без какого-либо разбирательства. Заявитель содержался под стражей в течение пяти месяцев и так и не был доставлен к судье на основании текста закона, наделявшего министров особыми полномочиями по задержанию без разбирательства в случаях, когда правительство опубликовывало указ, в соответствии с которым подобные полномочия были необходимы для поддержания общественного порядка и общественного спокойствия. Власти государства-ответчика утверждали, что лишение свободы, которым подвергся заявитель, было обосновано в связи с «необходимостью предотвратить совершение им правонарушения», вследствие чего не было необходимости прибегать к данной мере «с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения». Европейский Суд отверг данный довод по следующим основаниям (текст выделен Европейским Судом):

«13. Учитывая в этой связи, что вопрос, переданный на рассмотрение Европейского Суда, состоит в том, предписывают ли положения подпункта “с” пункта 1 и пункта 3 статьи 5 Конвенции, чтобы лицо, задержанное или заключенное под стражу в случае, “когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения”, “предстало перед

компетентным органом”. Другими словами, относится ли содержащееся в подпункте “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции выражение “произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом [devant l'autorité judiciaire compétente]”, лишь к словам “по обоснованному подозрению в совершении правонарушения” либо же также к словам “в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения”.

14. Принимая во внимание, что формулировка подпункта “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции с достаточной ясностью дает ответ на данный вопрос и что выражение “произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом” относится ко всем случаям задержания и заключения под стражей, указанным в данном подпункте, а также принимая во внимание, что это положение разрешает лишение свободы лишь в случае, когда оно осуществляется с тем, чтобы доставить задержанное или заключенное под стражу лицо в компетентный орган, независимо от того, **имеются ли обоснованные подозрения в совершении этим лицом правонарушения, и имеются ли достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения** или помешать ему скрыться после его совершения;

принимая во внимание, что подпункт “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции может быть истолкован лишь во взаимосвязи с пунктом 3 этой же статьи, с которым они формируют единое целое, и учитывая, что пункт 3 в категоричной форме устанавливает, что “каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом “с” пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье...” и “имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока”, а также принимая во внимание, что из данного положения очевидно следует обязательство доставлять каждого задержанного или заключенного под стражу **при любых обстоятельствах** из указанных в подпункте “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции к судье **с целью рассмотрения судом правомерности его заключения под стражу или рассмотрения дела по существу** и, учитывая, что таково **четкое и естественное значение формулировок**, содержащихся в подпункте “с” пункта 1 и в пункте 3 статьи 5 Конвенции;

принимая во внимание, что такое толкование, полученное путем **грамматического анализа**, всецело соответствует цели Конвенции, состоящей в защите свободы и безопасности человека от произвольного задержания или заключения под стражу, и учитывая, что в этой связи следует подчеркнуть, что, если бы конструкция, созданная Европейским Судом для вышеуказанных положений, была бы неправильной, любой подозреваемый в намерении совершить правонарушение мог бы быть задержан и заключен под стражу на неограниченный срок на основании обычного решения органа исполнительной власти, и такое задержание или заключение под стражу нельзя было бы признать нарушением Конвенции, а также учитывая, что такое предположение в совокупности со всем тем произволом, который оно влечет за собой, противоречило бы основополагающим принципам Конвенции...».

¹ Так в тексте оригинала Постановления. По-видимому, имеется в виду Ирландская Республиканская Армия (примеч. редактора).

105. Таким образом, как можно увидеть из вышеизложенного, Европейский Суд, опираясь на толкование, которое он описывал как толкование буквального значения текста («формулировка... является ясной», грамматический анализ», «четкое и естественное значение»), счел, что каждая из трех частей подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции отсылает к различным основаниям лишения свободы. Кроме того, требование о том, что законное задержание или заключение под стражу лица производится «с тем, чтобы оно предстало перед компетентным [судебным] органом», применялось к каждому из оснований, как и обязательство доставлять каждого задержанного или заключенного под стражу к судье с целью рассмотрения судом правомерности его заключения под стражу или рассмотрения уголовного обвинения по существу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 и пунктом 3 статьи 5 Конвенции.

106. Также может быть полезным напомнить, как бывшая Европейская комиссия по правам человека толковала подпункт «с» пункта 1 и пункт 3 статьи 5 Конвенции в свете подготовительных материалов по данному вопросу (см. краткое изложение в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)», § 11, текст выделен Европейским Судом):

«...Все доказательства свидетельствуют о том, что изменения, внесенные в англоязычную версию текста, в частности, в подпункт “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции, в ходе подготовительных работ в Совете Европы, были направлены на приведение ее в соответствие с франкоязычной версией, которая, за исключением нескольких редакторских правок, не имеющих значения для настоящего дела, по сути не отличалась от текста статьи 5 Конвенции, вошедшего в итоговую версию документа, и что это в особенности можно сказать о запятой после слов “*autorité judiciaire compétente*”, которая официально подтверждает толкование подпункта “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции, данное Европейской комиссией по правам человека. Кроме того, подготовительные материалы по пункту 3 статьи 5 Конвенции исключают какую-либо двусмысленность в отношении намерения разработчиков Конвенции закрепить требование о том, чтобы каждое лицо, задержанное или заключенное под стражу при обстоятельствах, перечисленных в подпункте “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции, незамедлительно доставлялось к судье...».

107. Кроме того, линия прецедентной практики Европейского Суда, основанной на Постановлении по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)», в соответствии с которой лишение свободы в превентивных целях может допускаться на основании подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции даже в случае, если оно производится вне рамок уголовного преследования, судя по всему, была косвенно признана в нескольких последующих постановлениях и решениях Европейского Суда. Так, в Постановлении Европейского Суда по делу «Ирландия против

Соединенного Королевства» ((Ireland v. United Kingdom) от 18 января 1978 г., § 196, Series A, № 25) можно считать, что Европейский Суд опирался на два альтернативных основания, делая следующий вывод (текст выделен Европейским Судом):

«Независимо от того, основывалось или нет внесудебное лишение свободы в большинстве дел на подозрениях, которые по своему характеру оправдывают заключение под стражу в соответствии с Конвенцией, такое лишение свободы допускается согласно подпункту “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции лишь в случае, когда оно произведено “с тем, чтобы [задержанное или заключенное под стражу лицо] предстало перед компетентным органом”».

В дальнейшем, в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Гуццарди против Италии» (§ 102), Европейский Суд провел отдельный анализ в контексте второго основания, поскольку решения о лишении заявителя свободы «не имели правовой связи с расследованием, которое проводилось в отношении» правонарушений, в совершении которых подозревался и обвинялся заявитель, и применялись «независимо от наличия обвинения».

108. Однако несмотря на ясность и жесткость подхода Европейского Суда при рассмотрении дела «Лоулесс против Ирландии (№ 3)», он никоим образом не объяснил и даже не признал факт отступления от данного подхода по прошествии 27 лет в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Чиулла против Италии» (§ 38), а лишь отметил, что «подпункт “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции допускает лишение свободы лишь в рамках производства по уголовному делу», и добавил, что такое толкование «с очевидностью следует из текста данного положения». Европейский Суд не объяснил, с чем были связаны противоречия в Постановлении по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)», и почему в последующих решениях не было каких-либо намеков на непоследовательность, не говоря уже об исправлении ситуации. Напротив, в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Йечиус против Литвы» (§ 50) Европейский Суд признал, что человек может быть заключен под стражу или задержан в значении подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции «лишь в контексте производства по уголовному делу», и сослался при этом, *inter alia*, на Постановление Европейского Суда по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)», хотя подобных выводов не может быть обнаружено в данном Постановлении, даже в виде предположений.

(γ) Постановление Европейского Суда по делу «Стил и другие против Соединенного Королевства» и прецедентная практика, сформировавшаяся на его основе

109. Также интересно отметить, что отчасти параллельно с линией прецедентной практики,

основанной на Постановлении Европейского Суда по делу «Чиулла против Италии», Европейский Суд рассмотрел несколько дел, касавшихся жалоб на нарушение подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с принятием мер в контексте «нарушения общественного порядка» в соответствии с английским правом.

110. Первым в этом ряду было Постановление Европейского Суда по делу «Стил и другие против Соединенного Королевства», в котором он рассмотрел вопрос в свете одновременно первой и второй частей подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции и признал, что каждый из заявителей был задержан и заключен под стражу с тем, чтобы предстать перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении «правонарушения» **или**¹ потому, что имелись достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение ими «правонарушения», при этом не уточнялось, какие конкретно меры подпадали под действие соответствующих частей. Что касается первых двух заявителей, Европейский Суд отметил, что внутригосударственные суды, которые рассматривали их дела, были убеждены в том, что каждый из них нарушил или мог нарушить общественный порядок. Таким образом, Европейский Суд признал, что данные меры были – по крайней мере, частично – допустимыми в соответствии со второй частью.

111. Три года спустя Европейский Суд вынес Решение по делу «Никол и Селванейегам против Соединенного Королевства» ((Nicol and Selvanayagam v. United Kingdom) от 11 января 2001 г., жалоба № 32213/96), которое продолжило данную линию прецедентной практики и так же является весьма поучительным. В этом деле двое заявителей бросали палки в рыбаков во время акции протеста против рыбной ловли, тем самым создавая риск повреждения имущества третьих лиц. В частности, следует отметить, что Европейский Суд, используя в основном подход, выработанный в Постановлении Европейского Суда по делу «Стил и другие против Соединенного Королевства», рассмотрел жалобу в свете обеих частей подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции и сделал отдельные выводы в отношении каждой из этих частей (текст выделен Европейским Судом):

«Изначально лишение свободы имело целью предотвратить совершение заявителями правонарушений. Затем, после проведения на следующий день соревнования среди рыбаков, или в течение периода, следующего за первым днем этого соревнования, если на второй день оно не проводилось, лишение свободы явно производилось с тем, чтобы заявительницы предстали перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении “правонарушения”».

Следовательно, задержание и заключение заявителей под стражу соответствовали подпун-

кту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, и данная часть жалобы является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции, в связи с чем она должна быть объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу на основании пункта 4 статьи 35 Конвенции».

112. Подход, состоявший в «комплексном» рассмотрении жалоб в свете двух частей подпункта «с» пункта 1 статьи Конвенции, который соответствовал упоминавшемуся выше Постановлению Европейского Суда по делу «Стил и другие против Соединенного Королевства», в тот же год был применен в Решении Европейского Суда по делу «Макбрайд против Соединенного Королевства» ((McBride v. United Kingdom) от 5 июля 2001 г., жалоба № 27786/95). Европейский Суд признал, что жалоба была явно необоснованной.

113. Из вышеизложенного следует, что подход, выработанный Европейским Судом в упоминавшемся выше его Постановлении по делу «Стил и другие против Соединенного Королевства» в 1998 году и двух решениях в 2001 году (см. упоминавшиеся выше Решения Европейского Суда по делам «Никол и Селванейегам против Соединенного Королевства» и «Макбрайд против Соединенного Королевства»), не соответствует позиции, изложенной Европейским Судом в 1989 году в упомянутом ранее Постановлении по делу «Чиулла против Италии», которая затем была повторена в нескольких делах начиная с Постановления по делу «Йечиус против Литвы» в 2000 году и заканчивая Постановлением по делу «Остендорф против Германии» в 2013 году (оба упоминались выше), в соответствии с которой подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции охватывает лишь случаи лишения свободы в рамках уголовного преследования. Вместе с тем данный подход не соответствует дополнительному утверждению в Постановлении Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии» (§ 82) о том, что «вторая часть подпункта “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции... регулирует лишь случаи заключения под стражу до суда и не применяется к заключению под стражу в превентивных целях, при котором соответствующее лицо не подозревается в совершении преступления». Наоборот, в первом и третьем из вышеназванных дел против Соединенного Королевства Европейский Суд не указал, какие меры попадали под то или иное основание, а во втором деле Европейский Суд провел между ними явное различие, уточнив, что изначально лишение свободы осуществлялось в превентивных целях. С данной точки зрения, подход, примененный в этих трех делах, напоминает подход, использованный в упоминавшихся выше Постановлениях Европейского Суда по делам «Ирландия против Соединенного Королевства» и «Гуццарди против Италии»: в первом случае Европейский Суд не рассмотрел вопрос о том, в каких пределах применялась каждая часть данного пункта, во втором случае Европейский Суд

¹ Так в тексте оригинала Постановления (примеч. редактора).

более подробно рассмотрел жалобу преимущественно в свете второй части (см. § 107 настоящего Постановления) в порядке, который ближе к четкому различию между двумя частями, проводившемуся в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)» и соответствовавшему позициям, изложенным в докладе Конференции высокопоставленных должностных лиц Комитету министров Совета Европы по поводу подпункта «с» пункта 1 и пункта 3 статьи 5 второго проекта Конвенции (§ 42 настоящего Постановления).

(δ) Частичное заключение

114. Учитывая вышеизложенное, Европейский Суд считает, что имеются веские доводы, чтобы применить подход, использованный в Постановлении Европейского Суда по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)» и закрепленный в ряде постановлений, вынесенных после него, в соответствии с которым подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции предусматривает возможность правомерного задержания или заключения под стражу лица в отдельных случаях, в том числе, в соответствии со второй частью данной нормы, в случае, «когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения». Не только однозначная формулировка второй части, но и подготовительные материалы ясно указывают на то, что вторая часть подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции должна рассматриваться как отдельное основание, в первую очередь отдельное от первой части. В упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)» (§ 14) гарантия того, что задержание или заключение под стражу производятся с тем, чтобы доставить соответствующее лицо в компетентный орган, «всецело соответствует цели Конвенции, состоящей в защите свободы и безопасности человека от произвольного задержания или заключения под стражу».

115. Данный подход не был применен в нескольких более поздних постановлениях, от Постановления Европейского Суда по делу «Чиуллa против Италии» до Постановления Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии», в которых Европейский Суд отказался использовать второе основание вне рамок уголовного преследования. Однако, как видно, такой подход не только является резким и признанным отступлением от позиций, изложенных в Постановлении Европейского Суда по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)», но и его сложно согласовать с толкованием текста последнего указанного Постановления, подкрепленным подготовительными материалами, а также рядом решений, вынесенных как до, так и после Постановления

Европейского Суда по делу «Чиуллa против Италии» (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Ирландия против Соединенного Королевства», «Гуццарди против Италии» и «Стил и другие против Соединенного Королевства», а также последующие решения, которые были процитированы выше).

116. Следовательно, Европейский Суд в целом придерживается мнения о том, что для того, чтобы не лишить полицию возможности выполнять свои обязанности по поддержанию порядка и защите общества, при условии, что полиция соблюдает основополагающий принцип статьи 5 Конвенции, состоящий в защите людей от произвола (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Остин и другие против Соединенного Королевства» (Austin and Others v. United Kingdom), жалоба № 39692/09 и две другие, § 56, ECHR 2012), правомерное лишение свободы лица вне рамок уголовного преследования в принципе может быть допустимым в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Что касается обстоятельств, при которых такое лишение свободы является обоснованным, то данный вопрос касается соблюдения подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции и будет рассмотрен в §§ 143–174 настоящего Постановления.

117. Тем не менее встает вопрос о том, может ли содержащееся в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции требование о «цели», в соответствии с которым задержание или заключение под стражу лица должно производиться с тем, чтобы оно представало перед компетентным [судебным] органом, являться препятствием для лишения свободы в превентивных целях, как то, что рассматривается в настоящем деле и охватывается второй частью указанного положения Конвенции.

(iv) Может ли содержащееся в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции требование о «цели» являться препятствием для лишения свободы в превентивных целях

118. В упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)» Европейский Суд постановил (см. § 104 настоящего Постановления), что требование о цели, содержащееся в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, применяется ко всем ситуациям, перечисленным в данном подпункте. Однако следует отметить, что Европейский Суд при рассмотрении других дел признавал, что данное требование должно толковаться и применяться с определенной гибкостью, когда изначальное намерение «доставить заявителя в компетентный орган» по какой-то причине не реализуется. Те обстоятельства, что задержанному лицу не были предъявлены обвинения и он не был доставлен к

судье, необязательно означают, что цель его задержания не соответствовала подпункту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Так, в Постановлении Европейского Суда по делу «Броуган и другие против Соединенного Королевства» ((Brogan and Others v. United Kingdom) от 29 ноября 1988 г., Series A, № 145-B) рассматривалась ситуация, когда четверо заявителей были задержаны и заключены под стражу на основании законодательства, касающегося борьбы с терроризмом, по подозрению в причастности к совершению, приготовлению и подстрекательству к совершению террористических актов. Они были освобождены без предъявления им обвинений по истечении четырех и шести дней (самым коротким сроком лишения свободы было четыре дня и шесть часов), так и не представ перед судьей. В указанном деле Европейский Суд признал, что в случае каждого из четверых заявителей имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции вследствие несоблюдения требования о незамедлительности, но не были нарушения требования пункта 1 статьи 5 Конвенции (рассматривалась лишь первая часть подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции). Европейский Суд отметил (*ibid.*, § 53):

«Тот факт, что заявителям не были предъявлены обвинения и они не предстали перед судом, необязательно означает, что лишение заявителей свободы не соответствовало подпункту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Как утверждали власти государства-ответчика и Европейская комиссия по правам человека, существование подобной цели следует рассматривать отдельно от ее достижения, и подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции не предполагает, что следственные органы должны располагать достаточными доказательствами либо в момент задержания, либо в период содержания заявителей под стражей.

Такие доказательства, возможно, нельзя было получить или представить в суде, не подвергая опасности жизни третьих лиц. Отсутствуют основания считать, что полицейское расследование в данном случае осуществлялось недобросовестно и что задержание заявителей не имело цели проводить данное расследование, подтвердив или сняв конкретные подозрения, которые, как признал Европейский Суд, обосновывали их задержание... Можно предположить, что, если было бы возможно, полиция предъявила бы обвинения, и заявители предстали бы перед компетентным органом».

119. При применении первой части подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции Европейский Суд приходил к аналогичным выводам в Постановлении по делу «Эрдагёз против Турции» ((Erdagöz v. Turkey) от 22 октября 1997 г., § 51, Reports 1997-VI) и в Постановлении по делу «Петков и Профиров против Болгарии» ((Petkov and Profirov v. Bulgaria) от 24 июня 2014 г., жалобы № 50027/08 и 50781/09, § 52).

120. Европейский Суд не находит причин, почему он не может проявить идентичную гибкость в отношении лишения свободы в превентивных

целях на основании второй части подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Напротив, есть множество причин сделать именно так.

121. Если имеется понимание того, что для исполнения требования о цели с самого начала лишения свободы должно присутствовать субъективное намерение, это может повлечь за собой нежелательное последствие в виде исключения всякой возможности краткосрочного лишения свободы в превентивных целях, как то, что было описано в Постановлении Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии», или было произведено в настоящем деле, когда целью является не доставление задержанного или заключенного под стражу лица к судье, а освобождение его из-под стражи по прошествии недолгого времени, как только будет устранена угроза.

122. Строгое соблюдение требования о сроке, содержащееся в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, также может повлечь за собой последствия, не соответствующие духу статьи 5 Конвенции, например, в ситуации, упомянутой Верховным судом Соединенного Королевства в Постановлении по делу «Королева против Комиссара полиции Метрополиса» (см. § 36 Постановления, процитированный в § 46 настоящего Постановления), когда у полиции есть все основания полагать, что угроза, ставшая основанием для задержания, исчезнет относительно быстро и, весьма вероятно, до того, как представится физическая возможность доставить задержанного к судье. Узкое толкование может привести к бессмысленному продлению срока содержания под стражей после того, как угроза исчезнет, и заключенное под стражу лицо подлежит освобождению, поскольку государственные органы нуждаются в реалистичном сроке для доставления лица, лишённого свободы, к судье для рассмотрения вопроса о законности лишения свободы.

123. Как ранее признавал Европейский Суд, статья 5 Конвенции не должна толковаться таким образом, чтобы полиция лишалась возможности выполнять свои обязанности по поддержанию порядка и защите общества, при условии, что полиция соблюдает основополагающий принцип статьи 5 Конвенции, состоящий в защите людей от произвола (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии», § 88). Полиция должна иметь определенную свободу усмотрения при проведении оперативных мероприятий. Решения об их проведении почти всегда сложны, и полиция, у которой имеется доступ к информации и разведывательным данным, которых нет у остального общества, обычно находится в лучшей позиции для принятия таких решений (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Остин и другие против Соединенного Королевства», § 56).

124. Европейский Суд осознает, что он постепенно расширял свою прецедентную практику, касающуюся обязательства защищать общество от правонарушений, которое возложено на Договаривающиеся Государства в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции. Так, например, в ином контексте Договаривающиеся Государства на основании статьи 3 Конвенции должны принимать меры, обеспечивающие, чтобы лица, находящиеся под их юрисдикцией, не подвергались жестокому обращению, в том числе со стороны других граждан (см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «А. против Соединенного Королевства» (A. v. United Kingdom) от 23 сентября 1998 г., § 22, Reports 1998-VI, Постановление Европейского Суда по делу «М.С. против Болгарии» (M.C. v. Bulgaria), жалоба № 39272/98, §§ 149–150, ECHR 2003-XII, и Постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (Opuz v. Turkey), жалоба № 33401/02, § 159, ECHR 2009). Эти меры должны обеспечивать эффективную защиту и предусматривать совершение разумных действий по предупреждению жестокого обращения, о котором внутригосударственными органами было известно или должно было быть известно (см., *inter alia*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Z и другие против Соединенного Королевства» (Z and Others v. United Kingdom), жалоба № 29392/95, § 73, ECHR 2001-V, и Постановление Европейского Суда по делу «D.P. и J.C. против Соединенного Королевства» (D.P. and J.C. v. United Kingdom) от 10 октября 2002 г., жалоба № 38719/97, § 109, см. также в контексте статьи 2 Конвенции Постановление Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (Osman v. United Kingdom) от 28 октября 1998 г., § 115, Reports 1998-VIII, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мастроматтео против Италии» (Mastromatteo v. Italy), жалоба № 37703/97, §§ 67–68, ECHR 2002-VIII).

125. Поэтому можно утверждать, как это сделал Верховный суд Соединенного Королевства (см. § 36 Постановления, процитированный в § 46 настоящего Постановления), что в отношении краткосрочного лишения свободы в превентивных целях требование о производстве лишения свободы «с тем, чтобы [задержанное или заключенное под стражу лицо] предстало перед компетентным органом», косвенно зависит от того, что срок лишения свободы длится достаточно долго для того, чтобы соответствующее лицо было доставлено к судье. В этом отношении Европейский Суд считает, что вопрос о том, было ли соблюдено требование о цели, зависит от объективной оценки поведения государственных органов, в частности, от того, было ли доставлено задержанное или заключенное под стражу лицо незамедлительно к судье в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции для рассмотрения судом правомерности его заключения под

стражу или для освобождения до суда. Кроме того, в случае несоблюдения последнего требования соответствующее лицо должно иметь подлежащее приведению в исполнение право на компенсацию в соответствии с пунктом 5 статьи 5 Конвенции.

126. В этом контексте при условии, что внутригосударственное законодательство предоставляет дополнительные гарантии, предусмотренные пунктами 3 и 5 статьи 5 Конвенции (подробней данный вопрос будет рассмотрен ниже), когда человека освобождают после краткосрочного лишения свободы в превентивных целях в связи с исчезновением риска либо, например, истечением короткого срока, установленного законом, требование о том, что государственные органы должны при лишении какого-либо лица свободы преследовать цель доставить это лицо в компетентный судебный орган, не должно препятствовать краткосрочному лишению свободы в превентивных целях на основании второй части подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Как показывает гибкий подход, принятый в Постановлении Европейского Суда по делу «Броуган и другие против Соединенного Королевства» (см. § 118 настоящего Постановления), при толковании и применении Конвенции Европейский Суд должен учитывать необходимость рассматривать конкретно проблемы вроде тех, что являются предметом настоящего дела (см. § 94 настоящего Постановления).

127. В то же время следует подчеркнуть, что любая гибкость в данной области ограничена важными гарантиями, закрепленными в пункте 1 статьи 5 Конвенции, в частности, требованиями о том, что лишение свободы должно быть законным (см. § 74 настоящего Постановления) в соответствии с целью защиты задержанного и заключенного под стражу лица от произвола (см. §§ 74–76 настоящего Постановления) и что правонарушение должно быть конкретным и определенным в части, касающейся, в частности, места и времени его совершения, а также круга потерпевших (см. § 89 настоящего Постановления), а также что внутригосударственные органы должны предоставить факты и информацию, которые могли бы убедить объективного наблюдателя в том, что задержанное лицо могло совершить рассматриваемое правонарушение, если бы оно не было предотвращено лишением свободы (см. § 91 настоящего Постановления). Гибкость ограничена также требованием о том, что задержание и заключение под стражу должны производиться, когда имеются «достаточные основания полагать, что [оно] необходимо» (см. § 77 настоящего Постановления и дальнейшее развитие данного критерия в § 161 настоящего Постановления). При оценке объема данного требования необходимо принять во внимание пределы, в которых соответствующие меры затрагивают интересы, защищаемые другими правами, гарантированными Конвенцией.

(v) Дополнительные гарантии в соответствии с пунктами 3 и 5 статьи 5 Конвенции

128. Как указано выше, гарантия, содержащаяся в первой части пункта 3 статьи 5 Конвенции, согласно которой каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 данной статьи незамедлительно доставляется к судье, применяется также в случае лишения свободы в превентивных целях на основании подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)», § 14). В соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции существует процессуальное требование к «судье или иному должностному лицу, наделенному согласно закону судебной властью» заслушать доставленное к нему лицо лично, а также материально-правовое требование изучить все обстоятельства «за» и «против» лишения свободы, то есть решить, имеются ли основания, оправдывающие содержание лица под стражей, или основания для вынесения постановления об освобождении из-под стражи, если причин ограничивать свободу лица не установлено (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буаджи против Республики Молдова», § 98, а также приведенную в нем прецедентную практику). Первоначальное автоматическое рассмотрение задержания и заключения под стражу должно предоставлять возможность оценить законность их оснований и наличие либо отсутствие обоснованного подозрения в том, что задержанный совершил преступление, иными словами, попадает ли заключение под стражу под допускаемые исключения, установленные в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (*ibid.*, § 99).

129. Из текста пункта 3 статьи 5 Конвенции непосредственно следует, что, если человек более не является «задержанным или заключенным под стражу», а освобожден из-под стражи, то отсутствует обязанность незамедлительно доставить его к судье. Такое понимание подтверждается ссылкой, содержащейся в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)» (§ 14, процитированный в § 104 настоящего Постановления), на два варианта действий при доставлении лица к судье: либо с целью рассмотрения судом правомерности его заключения под стражу, либо с целью рассмотрения предъявленных обвинений в совершении преступления по существу. Кроме того, как подчеркивал Европейский Суд в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Броуган и другие против Соединенного Королевства» (§ 58):

«Тот факт, что задержанному не предъявлено обвинение или он не предстал перед судом, сам по себе не является нарушением первой части

пункта 3 статьи 5 Конвенции. Можно предположить отсутствие нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции, если задержанное лицо освобождено “незамедлительно” до осуществления судом какого-либо контроля в отношении его задержания (см. Постановление Европейского Суда по делу “Де Йонг, Балже и Ван ден Бринк против Нидерландов” (De Jong, Baljet and Van den Brink v. Netherlands) от 22 мая 1984 г., Series A, № 77, с. 25, § 52). Если задержанный не освобожден быстро, он имеет право быть незамедлительно доставлен к судье или иному должностному лицу, осуществляющему судебные функции».

130. Чтобы определить, было ли освобождение осуществлено до начала незамедлительного судебного контроля, следует исходить из того, каким образом требование о «незамедлительности», содержащееся в пункте 3 статьи 5 Конвенции, было применено в прецедентной практике Европейского Суда. В то время как незамедлительность должна оцениваться с учетом особенностей каждого конкретного дела (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Акилина против Мальты» (Aquilina v. Malta), жалоба № 25642/94, ECHR 1999-III, § 48), строгие временные рамки, предусмотренные данным требованием, оставляют небольшой простор для гибкости при толковании, в противном случае имело бы место значительное ослабление процессуальной гарантии в ущерб интересам лица, лишеного свободы, и это привело бы к последствиям, противоречащим самой сути права, защищаемого данным положением Конвенции (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккей против Соединенного Королевства» (McKay v. United Kingdom), жалоба № 543/03, ECHR 2006-X, § 33).

131. В то время как любой период более четырех дней является *prima facie*¹ слишком большим, при определенных обстоятельствах более короткие периоды также могут быть признаны нарушающими требование о «незамедлительности» (см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «Мэги и другие против Соединенного Королевства» (Magee and Others v. United Kingdom) от 12 мая 2015 г., жалобы №№ 26289/12, 29062/12 и 29891/12, § 78, ECHR 2015 (извлечения)). Так, например, в Постановлении Европейского Суда по делу «Ипек и другие против Турции» (İpek and Others v. Turkey) от 3 февраля 2009 г., жалобы №№ 17019/02 и 30070/02, §§ 36–37) и в Постановлении Европейского Суда по делу «Канджов против Болгарии» (Kandzhov v. Bulgaria) от 6 ноября 2008 г., жалоба № 68294/01, §§ 66–67) Европейский Суд признал, что периоды продолжительностью три дня и девять часов, а также три дня и 23 часа соответственно не могли быть признаны «незамедлительными».

¹ *Prima facie* (лат.) – на первый взгляд, по первому впечатлению (примеч. переводчика).

132. При оценке «незамедлительности» важно также принимать во внимание, что, когда задержанный доставлен к судье в соответствии с первой частью подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, целью его допроса на основании данного подпункта является продолжение предварительного расследования по уголовному делу путем подтверждения или опровержения конкретных подозрений, послуживших основанием для задержания (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» (John Murray v. United Kingdom) от 8 февраля 1996 г., § 55, Reports 1996-I). Это предполагает, что органам следствия может потребоваться определенный промежуток времени между моментом задержания и незамедлительным доставлением задержанного к судье для того, чтобы собрать доказательства, подтверждающие наличие оснований для оправдания содержания под стражей.

133. Указанные доводы не применяются к задержанным и заключенным под стражу в соответствии со второй частью подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, когда не проводится расследование по уголовному делу и отсутствуют подозрения, которые требуется подтвердить или опровергнуть. Обстоятельства, составляющие риск совершения правонарушения, уже должны быть установлены к тому моменту, когда лицо задерживается, с целью предотвратить совершение им правонарушения. Соответственно, представляется, что необходимый промежуток времени между лишением лица свободы в превентивных целях и незамедлительным доставлением этого лица к судье или иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, должен быть короче, чем в случае досудебного заключения под стражу в рамках уголовного преследования. В то время как для лица, лишенного свободы «по обоснованному подозрению в совершении правонарушения» в соответствии с первой частью подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, любой период дольше четырех дней является *prima facie* слишком долгим (см. § 131 настоящего Постановления), для лица, лишенного свободы вне рамок производства по уголовному делу, «когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения», может потребоваться значительно более короткий период времени, чтобы можно было говорить о «незамедлительности».

134. Принимая во внимание вышеизложенное, в том числе необходимость оценивать незамедлительность с учетом особенностей каждого конкретного дела, Европейский Суд признает, что в целом освобождение «до начала незамедлительного судебного контроля» в контексте лишения свободы в превентивных целях должно происходить в течение часов, а не дней.

135. Что касается требования, содержащегося во второй части пункта 3 статьи 5 Конвенции, согласно которому каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции «имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда», следует отметить, что для лишения свободы в превентивных целях характерно отсутствие обвинения в совершении преступления. Факт применения лишения свободы в превентивных целях не означает, что государственные органы намерены предъявить соответствующему лицу обвинения или провести дополнительное расследование с целью проверить, могут ли ему быть предъявлены обвинения. Если уголовное дело не возбуждено и дело не будет рассматриваться в судебном порядке, то данное требование не подлежит применению к лишению свободы в превентивных целях.

136. Еще одной гарантией, применяемой в случае лишения свободы в превентивных целях в соответствии со второй частью подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, является пункт 5 статьи 5 Конвенции, согласно которому «каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию». Европейский Суд повторяет, что для признания нарушения пункта 5 статьи 5 Конвенции необходимо установить, что вывод о нарушении любого другого пункта статьи 5 Конвенции не позволял предъявить подлежащее приведению в исполнение требование о компенсации во внутригосударственные суды (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Станев против Болгарии» (Stanev v. Bulgaria), жалоба № 36760/06, § 184, ECHR 2012). В ряде случаев Европейский Суд признавал, что имело место нарушение данного положения Конвенции, когда лицо, которое подверглось лишению свободы при обстоятельствах, противоречащих пунктам 1–3 или 4 статьи 5 Конвенции, не могло предъявить исполнимое требование о компенсации во внутригосударственные суды (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Броуган и другие против Соединенного Королевства», § 67, Постановление Европейского Суда по делу «Фокс, Кемпбелл и Хартли против Соединенного Королевства» (Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom) от 30 августа 1990 г., § 46, Series A, № 182, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Станев против Болгарии», §§ 184–191). Из требования о законности, содержащегося в пункте 1 статьи 5 Конвенции (см. § 74 настоящего Постановления), следует, что при рассмотрении требования о компенсации суд в обязательном порядке изучает вопрос о законности лишения свободы.

(vi) Краткое изложение принципов, относящихся к лишению свободы в превентивных целях в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции

137. Принимая во внимание вышеизложенное, Большая Палата Европейского Суда считает необходимым прояснить и уточнить прецедентную практику, касающуюся подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, в частности, признать, что вторая часть данного положения может рассматриваться в качестве отдельного основания для лишения свободы, независимого от первой части. Хотя требование о цели, содержащееся в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, применяется также к лишению свободы в соответствии со второй частью данного положения, это требование следует применять с определенной степенью гибкости таким образом, чтобы вопрос о соблюдении данной статьи зависел от того, имеется ли намерение незамедлительно доставить лицо, лишенное свободы, как того требует пункт 3 статьи 5 Конвенции, к судье для рассмотрения вопроса о правомерности лишения свободы, либо же освободить его до суда. Кроме того, в случае несоблюдения последнего требования лицо, лишенное свободы, должно иметь реализуемое право на компенсацию в соответствии с пунктом 5 статьи 5 Конвенции. Иными словами, при условии, что во внутригосударственном законодательстве предусмотрены гарантии, закрепленные в пунктах 3 и 5 статьи 5 Конвенции, требование о цели не должно быть препятствием для краткосрочного задержания, как то, что было произведено в настоящем деле.

(е) Применение вышеизложенных принципов в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции

(i) Относилось ли задержание заявителей в превентивных целях к сфере действия второй части подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции

138. Заявители были задержаны на основании пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции», в соответствии с которым полиция может задерживать каждого человека с целью предупреждения любых рисков нарушения общественного порядка и любой опасности посягательства на общественный порядок и безопасность личности. Заявителям не предъявляли каких-либо обвинений, в отношении них не было возбуждено уголовное дело и не проводилось уголовное расследование, а их задержание не было осуществлено для того, чтобы они предстали перед судьей. Напротив, они были задержаны исключительно в превентивных целях.

В соответствии с внутригосударственным законодательством по общему правилу подобное задержание не может продолжаться более шести часов и является обоснованным лишь в той мере, в которой оно необходимо для предупреждения любых рисков и угроз.

139. Первый заявитель был освобожден по прошествии семи часов и 21 минуты, второй – через семь часов и 37 минут, а третий – через семь часов и 44 минуты. Учитывая обстоятельства настоящего дела, в частности, тот факт, что всего в тот день были задержаны 138 человек, Европейский Суд может согласиться с тем, что заявители были освобождены до того, как возникла необходимость доставить их к судье в соответствии с требованием о незамедлительности, предусмотренным в пункте 3 статьи 5 Конвенции (см. §§ 133–134 настоящего Постановления).

140. Заявители, которых освободили до того, как начала применяться гарантия, предусмотренная пунктом 3 статьи 5 Конвенции, имели возможность обратиться в суд с иском о признании их задержания незаконным на основании статьи 469 Закона «Об отправлении правосудия», и они сделали это (см. § 17 настоящего Постановления). Кроме того, им могла быть предоставлена компенсация в случае, если бы их требования были признаны обоснованными с точки зрения пункта 5 статьи 5 Конвенции. Таким образом, производство на внутригосударственном уровне соответствовало пункту 5 статьи 5 Конвенции.

141. Установив, что условия применения гибкого подхода при толковании требования о «цели» в настоящем деле выполнены, Европейский Суд считает, что задержание заявителей на основании пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции» относится к сфере действия второй части подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

142. Далее требуется определить, было ли задержание заявителей обоснованным в соответствии с последним указанным положением Конвенции.

(ii) Являлось ли задержание заявителей законным в соответствии с законодательством Дании

143. Во-первых, Европейский Суд рассмотрит вопрос о том, было ли задержание «законным» в смысле соответствия материальным и процессуальным нормам внутригосударственного законодательства (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Амююр против Франции», § 50). Пункт 1 статьи 5 Закона «О полиции» обязывает полицию предупреждать возникновение любой угрозы нарушения общественного порядка и любую опасность посягательства на общественный порядок и безопасность личности. Пункт 3 статьи 5 закона разрешает полиции в случае необходимости задержать лицо (лиц),

создающее эти риски или угрозы. В том же пункте уточняется, что «срок такого задержания должен быть как можно более кратким и умеренным и по возможности не должен превышать шести часов».

144. В соответствующих подготовительных материалах отмечается, что указанный срок должен исчисляться с того момента, как было произведено задержание. Время, затраченное на транспортировку задержанного до полицейского участка, должно включаться в общий срок задержания. Кроме того, шестичасовой срок по общему правилу может быть превышен лишь в случае проведения операций, в ходе которых задерживается большое количество лиц, когда время, необходимое на доставку задержанных в полицейский участок, регистрацию и установление личности задержанных, делает практически невозможным соблюдение правила о шестичасовом сроке (см. § 30 настоящего Постановления).

145. Заявители утверждали, что их задержание было незаконным в соответствии с внутригосударственным законодательством, поскольку срок задержания превысил шесть часов, а задержание проводилось в рамках операции, в ходе которой было задержано большое количество человек. По их словам, первый заявитель был единственным задержанным из большой группы лиц, а второй и третий заявители были задержаны вместе еще с тремя-четырьмя болельщиками из большой группы лиц.

146. Анализ производства на внутригосударственном уровне свидетельствует о том, что полиция надлежащим образом учла шестичасовое ограничение при планировании операции. Так, в меморандуме, подготовленном главным инспектором В.О., говорилось о том, что риск столкновений между болельщиками возрастал из-за того, что матч начинался лишь в 20.00, что давало представителям каждой группы значительное время для употребления алкогольных напитков до матча. С целью предупреждения столкновений планировалось начать активный диалог с болельщиками начиная с полудня, когда в центре города появлялись первые фанаты/зрители, а в случае столкновений предполагалось, во-первых, задерживать подстрекателей на основании статьи 755 Закона «Об отправлении правосудия» и предъявлять им обвинения либо в случае нереализуемости первого варианта задерживать подстрекателей на основании пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции». Поскольку срок задержания на основании последнего положения не мог превышать шести часов, в меморандуме уточнялось, что следовало избегать слишком ранних задержаний, поскольку задержанных пришлось бы освободить во время или после игры, после чего они могли вновь направиться к центру города и продолжить участие в драках (см. § 20 настоящего Постановления). Кроме того, в городском суде главный инспектор В.О. сообщил, что

при реализации своего плана сотрудники полиции не переставали осуществлять мониторинг обстановки. Не прекращавшееся насилие вынудило их превысить шестичасовой срок. Полиция начала освобождать задержанных после полуночи, когда обстановка в центре г. Копенгагена нормализовалась, и возобновление драк казалось маловероятным (см. § 21 настоящего Постановления).

147. Суды Дании приняли данные факторы во внимание и признали, что задержание заявителей было законным в силу пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции». В решении от 25 ноября 2010 г. городской суд постановил, что в то время как намерением законодателя при разработке данного положения была возможность продления срока задержания сверх шести часов лишь в исключительных случаях, условия для задержания заявителей на срок более шести часов были соблюдены, учитывая цель задержаний в сравнении с организованным характером, масштабами и продолжительностью беспорядков, а также конкретные временные интервалы, на которые был превышен максимальный срок.

148. В этой связи следует напомнить, что толкование и применение внутригосударственного законодательства, в настоящем деле пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции», должно осуществляться главным образом органами власти государства-ответчика, в частности, судами. Европейский Суд может высказывать сомнения в отношении толкования внутригосударственного законодательства, выполненного судами Дании, лишь в случаях произвола и явной неразумности такого толкования (см. среди других примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Радомилья и другие против Хорватии» (*Radomilja and Others v. Croatia*) от 20 марта 2018 г., жалобы №№ 37685/10 и 22768/12¹, § 149). Европейский Суд не обнаружил признаков того, что толкование законодательства внутригосударственными судами было произвольным или явно неразумным, и признает, что задержание заявителей было «законным» в смысле соответствия материальным и процессуальным нормам внутригосударственного законодательства.

(iii) Отсутствовали ли признаки произвола при задержании заявителей

149. При рассмотрении городским судом и Высоким судом Западной Дании вопроса о правомерности задержания заявителей были заслушаны трое заявителей, интересы которых представляла адвокат, а также три свидетеля, главный инспектор В.О. и четыре сотрудника полиции.

150. Из показаний главного инспектора В.О. (см. § 21 настоящего Постановления) и констебля

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 2 (примеч. редактора).

полиции P.W. (см. § 22 настоящего Постановления), а также в некоторой степени из показаний заявителей (см. § 19 настоящего Постановления) следовало, что трое заявителей проводили время в баре в компании еще примерно пяти десятков футбольных фанатов из Дании (45 фанатов, по словам заявителей, и около 60 фанатов, по утверждениям главного инспектора В.О.). Бар находился примерно в 700 метрах от площади Амагерторв (см. § 22 настоящего Постановления), на пешеходно-торговой улице Стрёгет, в центре г. Копенгагена, где и началась первая массовая драка в 15.41. Трое заявителей вместе с остальной группой футбольных болельщиков вышли из бара и пошли по улице Стрёгет в сторону площади Амагерторв. Сотрудники полиции последовали за ними. В районе площади Амагерторв полиция разместила бронетранспортеры крест-накрест, не позволяя этой группе столкнуться с футбольными фанатами из Швеции. Группа датских фанатов в полном составе была вытеснена в переулок Валкендорффсгаде.

151. Именно там в 15.50 второй и третий заявители были задержаны после того, как констебль полиции P.W. наблюдал за их разговорами с активным членом местной фанатской группировки и отдающими приказы другим болельщикам из г. Орхуса. Кроме того, констебль полиции P.W. сообщил, что он работал в специальном патруле в течение четырех лет и несколько раз встречал заявителей, которые участвовали в драках в связи с футбольными матчами. Он видел, как они принимали участие в драках и выкрикивали «Уайт Прайд Хулиган» (см. § 22 настоящего Постановления). Городской суд также отметил, что личности заявителей были известны полиции, поскольку их неоднократно ранее задерживали в связи с аналогичными футбольными мероприятиями (см. § 25 настоящего Постановления).

152. Как можно понять из показаний констебля полиции M.W. (см. § 23 настоящего Постановления), первый заявитель был задержан в 16.45 на площади Аксельторв возле Садов Тиволи после того, как один мужчина обратился к M.W., сообщив ему, что трое человек, включая первого заявителя, на которого он показал с небольшого расстояния, планировали драку, обзванивая друзей и сообщая им о сборе у входа в Сады Тиволи с целью попытаться начать драку с некоторыми болельщиками из Швеции. Свидетель и его коллега решили, что человеку, сообщившему информацию, без сомнения, можно было доверять. Городской суд отметил, что первого заявителя ранее неоднократно задерживали по схожему поводу (см. § 25 настоящего Постановления).

153. Ссылаясь на эти показания и другие доказательства, имевшиеся в их распоряжении, городской суд и Высокий суд Западной Дании признали установленным, что первое крупное столкновение между футбольными фанатами из Дании и Швеции

было зафиксировано в районе площади Амагерторв в 15.41 и что это столкновение создало конкретную и неизбежную угрозу нарушения общественного порядка. Вместе с тем они указали, что полиция была обязана попытаться предотвратить беспорядки на основании пункта 1 статьи 5 Закона «О полиции» и что полиция г. Копенгагена не превысила полномочия, задержав [заявителей] на основании пункта 3 статьи 5 Закона «О полиции».

154. Как неоднократно подчеркивал в своей прецедентной практике Европейский Суд, внутригосударственные органы находятся в лучшем положении, чем международный суд, чтобы оценивать доказательства по конкретному делу (см. среди других примеров упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов», § 40, Постановление Европейского Суда по делу «Уикс против Соединенного Королевства» (Weeks v. United Kingdom) от 2 марта 1987 г., § 50, Series A, № 114, Постановление Европейского Суда по делу «Сабева против Болгарии» (Sabeva v. Bulgaria) от 10 июня 2010 г., жалоба № 44290/07, § 58, Постановление Европейского Суда по делу «Витек против Польши» (Witek v. Poland) от 21 декабря 2010 г., жалоба № 13453/07, § 46, и Постановление Европейского Суда по делу «Райнер против Германии» (Reiner v. Germany) от 19 января 2012 г., жалоба № 28527/08, § 78). В силу принципа subsidiarity Европейский Суд должен с осторожностью принимать на себя роль суда первой инстанции, рассматривающего фактические обстоятельства дела, когда этого невозможно избежать ввиду обстоятельств конкретного дела. Хотя Европейский Суд не связан выводами внутригосударственных судов и свободен в проведении собственной оценки обстоятельств дела в свете материалов, имеющих в его распоряжении, при обычных обстоятельствах для того, чтобы он отклонился от выводов относительно фактов, сделанных внутригосударственными судами, требуются веские основания (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджио против Италии» (Giuliani and Gaggio v. Italy), жалоба № 23458/02, § 180, ECHR 2011 (извлечения), и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Остин и другие против Соединенного Королевства», § 61).

155. Европейский Суд не видит причин сомневаться в вышеизложенных выводах относительно фактических обстоятельств, сделанных судами Дании, согласно которым заявители были задержаны, поскольку у полиции имелись достаточные основания полагать, что заявители подстрекали других лиц к началу драки с футбольными фанатами из Швеции в центре г. Копенгагена, тем самым создавая конкретную и неизбежную угрозу нарушения общественного порядка или опасность посяательства на общественный порядок и безопас-

ность личности. Европейский Суд не обнаружил доказательств недобросовестности или халатности при применении законодательства Дании со стороны внутригосударственных органов. Напротив, как пояснил главный инспектор В.О. в заседании, проведенном судом Дании, первоначальным намерением полиции было провести беседу с различными группами и попытаться успокоить их. После первых столкновений планировалось задерживать только подстрекателей. Оценка того, кто является подстрекателем, осуществлялась исходя из фактического поведения соответствующих лиц, и полиция исходила из того, что она не будет задерживать тех, кто не подстрекал других лиц (см. § 21 настоящего Постановления). Однако все трое заявителей были признаны подстрекателями (см., в частности, показания полицейских P.W. и M.W. в §§ 22 и 23 настоящего Постановления). Суды Дании приняли версию событий, изложенную сотрудниками полиции. Выводы внутригосударственных судов не были ни произвольными, ни явно неразумными, и у Европейского Суда отсутствуют объективные причины, не говоря уже об убедительных доказательствах, для того, чтобы не согласиться с оценкой, которая была дана обстоятельствам дела со стороны внутригосударственных органов.

156. Переходя к следующему требованию, содержащемуся в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, о том, что правонарушение должно быть конкретным и определенным в части, касающейся места и времени его совершения, а также круга потерпевших, Европейский Суд отмечает, что пункты 1 и 3 статьи 5 Закона «О полиции» не уточняли, от совершения каких преступлений должны воздерживаться заявители.

157. Тем не менее, как подчеркивали власти Дании, применительно к дракам хулиганов и связанному с ними риску нарушения общественного порядка или опасности посягательства на общественный порядок и безопасность личности, положения о наказуемых деяниях, от совершения которых должны были воздерживаться заявители, содержатся в ряде других нормативных актов. Например, в статье 3 Приказа о мерах, принимаемых полицией, предусмотрена обязанность не подстрекать к дракам и не проявлять иные формы насилия, способные нарушить общественный порядок, и нарушение данной обязанности является преступлением, наказуемым штрафом (см. статью 18 Приказа). Кроме того, в статье 134а УК Дании содержится обязанность не принимать участие в драках и не совершать любое другое грубое нарушение общественного спокойствия в публичном месте, если эти действия совершены по предварительному сговору или в соучастии, нарушение данной нормы наказывается лишением свободы сроком до одного года и шести месяцев. Наконец, статьи 244, 245 и 291 УК Дании касались соответственно насильственных действий, насильствен-

ных действий приотягчающих обстоятельства, а также обязанности воздерживаться от причинения вреда.

158. Европейский Суд считает, что фактические обстоятельства, установленные внутригосударственными судами в настоящем деле (см. §§ 150–153 настоящего Постановления), должны убедить объективного наблюдателя в том, что в момент задержания заявителей у сотрудников полиции имелись все основания полагать, что заявители организовывали драку между футбольными хулиганами в центре г. Копенгагена, которая должна была проходить до, во время и после матча футбольных сборных, состоявшегося 10 октября 2009 г., и это могло представлять существенную угрозу для безопасности многих мирных футбольных болельщиков и не причастных третьих лиц, которые находились в это время в г. Копенгагене. Поскольку было высказано мнение о том, что заявителям не позволили спровоцировать драку или продолжать подстрекать к драке между футбольными хулиганами на площади Амагерторв в 15.30 и перед Садами Тиволи в 16.45, место и время могли быть описаны очень точно. Аналогичным образом к потерпевшим могли быть отнесены все люди, находившиеся в указанных местах в соответствующее время.

159. Соответственно, Европейский Суд удовлетворен тем, что факты, установленные внутригосударственными судами, в достаточной степени указывали на то, что «правонарушение» могло быть признано «конкретным и определенным» для целей подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

160. Европейский Суд также удовлетворен тем, что государственные органы представили доказательства того, что заявители с большой степенью вероятности участвовали бы в совершении правонарушения, если бы они не были задержаны.

(iv) Являлось ли задержание заявителей «необходимым»

161. Критерий необходимости, применяющийся к некоторым положениям пункта 1 статьи 5 Конвенции, в том числе к первой части подпункта «с», упоминался в § 77 настоящего Постановления. Данный критерий включает в себя, среди прочего, обязанность властей государства-ответчика по поиску «альтернативных средств» для достижения цели. Для рассмотрения вопроса о лишении свободы в превентивных целях, затронутого в настоящем деле, Европейский Суд считает полезным доработать данный критерий в отношении второй части пункта 1 статьи 5 Конвенции. По мнению Европейского Суда, следует рассмотреть и признать недостаточными менее серьезные меры, чтобы защитить частный или публичный интерес, требующий задержания или заключения под стражу. Лишение свободы в превентивных целях нельзя обоснованно признать необходимым, если

не установлено надлежащее равновесие между важностью в демократическом обществе обеспечить незамедлительное исполнение соответствующего обязательства и важностью права на свободу. Чтобы такая серьезная мера, как лишение свободы, была соразмерной, конкретное и определенное «правонарушение», о котором идет речь во второй части подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, также должно быть серьезным и вести к таким последствиям, как угроза для жизни и здоровья или риск причинения значительного материального ущерба. Соответственно, лишение свободы должно прекращаться, как только будет устранена соответствующая угроза, и это требует осуществления контроля, поскольку продолжительность лишения свободы также является важным фактором (см. по последнему вопросу, например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Швабе и М.Г. против Германии», § 78).

162. Европейский Суд признает, что в рассматриваемом деле конкретное и определенное правонарушение, описанное выше (см. § 158 настоящего Постановления), а именно подстрекательство к драке хулиганов в центре г. Копенгагена на площади Амагерторв в 15.30 и перед Садами Тиволи в 16.45, представляло значительную угрозу для безопасности большого количества мирных футбольных болельщиков и непричастных третьих лиц, которые находились в это время в г. Копенгагене. В связи с этим Европейский Суд считает, что правонарушение, которое стремились предотвратить государственные органы, несомненно, имело серьезный характер.

163. Далее Европейский Суд отмечает, что в соответствии с показаниями, данными городскому суду главным инспектором В.О., который осуществлял стратегическое командование обеспечением безопасности на мероприятии (см. § 21 настоящего Постановления), для предупреждения столкновений планировалось начать активный диалог с болельщиками начиная с полудня, когда появлялись первые фанаты/зрители, а в случае столкновений предполагалось задерживать только подстрекателей. Кроме того, хотя до начала матча произошло несколько драк, основной тактикой продолжал оставаться диалог с целью обеспечения того, чтобы большинство болельщиков вели себя надлежащим образом и попали на стадион для просмотра матча. Констебль полиции Р.В. в своих показаниях (см. § 22 настоящего Постановления) подтвердил, что вначале была хорошая атмосфера, без насилия. Он и его коллега просто «следили» за футбольными фанатами из Дании. Когда они получили сообщения о том, что болельщики из Дании и Швеции собрались встретиться с целью начать драку, и группа фанатов из Дании начала покидать бар в направлении площади Амагерторв на пешеходно-торговой улице, находившейся примерно в 700 метрах от бара, где вспыхнула первая дра-

ка в 15.41, полиция последовала за этой группой и сообщила об этом в координационный центр. Главный инспектор В.О. пояснил, что ему неизвестно точное количество лиц, принимавших непосредственное участие в драке, но из рапортов с мест он понял, что с каждой стороны участвовали примерно 50–60 болельщиков.

164. Таким образом, по мнению Европейского Суда, до начала первой драки, в 15.41, на площади Амагерторв полиция применяла очень осторожный подход и мягкие меры для предотвращения потасовок между хулиганами.

165. Кроме того, даже столкнувшись с тем, что группа примерно из 50 футбольных фанатов из Дании покинула бар и пошла к месту драки на площади Амагерторв, полиция изначально пыталась применять менее жесткие меры, чтобы избежать конфронтации. Они разместили свои бронетранспортеры крест-накрест, не позволяя группе фанатов из Дании столкнуться с футбольными фанатами из Швеции. После этого полиция окружила группу датских фанатов и сопровождала ее до переулка, где фанаты были зарегистрированы и обысканы.

166. Как было установлено внутригосударственными судами, именно в этот напряженный момент в непосредственной близости от места драки на площади Амагерторв второй и третий заявители были признаны подстрекателями к участию в драке. Они были задержаны в 15.50 в полном соответствии с тактикой операции, направленной на задержание лишь подстрекателей (см. § 163 настоящего Постановления). По словам констебля полиции Р.В. (см. § 22 настоящего Постановления), целью задержания второго и третьего заявителей были обеспечение общественного порядка и предупреждение потасовок, и данная мера, очевидно, увенчалась успехом: было очевидно, что болельщикам из г. Орхуса не хватало человека, который направлял бы их действия.

167. Европейский Суд также отмечает, что еще четыре жителя г. Копенгагена, предположительно являвшиеся хулиганами, были задержаны вместе со вторым и третьим заявителями, после чего на свободе в переулке остались примерно 44 члена группы болельщиков из Дании, включая первого заявителя. Европейский Суд полагает, что это свидетельствует о том, что полицейские не проводили лишних задержаний, а, наоборот, старались задерживать лишь лиц, которые, по их мнению, создавали риск нарушения общественного порядка и угрозу посягательства общественному порядку и безопасности личности.

168. Первый заявитель ушел из переулка и, по-видимому, направился в другой бар. Он был задержан лишь в 16:45, после того, как установили внутригосударственные суды, как он подстрекал других лиц к участию в драке, которая в тот момент разворачивалась напротив Садов Тиволи.

169. При данных обстоятельствах Европейский Суд не видит причин подвергать сомнению вывод городского суда, содержащийся в решении от 25 ноября 2010 г., согласно которому «менее радикальные меры нельзя было признать достаточными для предотвращения риска дополнительной дестабилизации обстановки при имевшихся обстоятельствах» и что «полиция г. Копенгагена не превысила полномочия, задержав [заявителей] на основании пункта 3 статьи 5 Закона “О полиции”». Данное решение было оставлено без изменения Высоким судом Западной Дании, после чего заявителям было отказано в выдаче разрешения на подачу апелляционной жалобы в Верховный суд Дании.

Европейский Суд не находит убедительных оснований не согласиться с выводами судов Дании и считает, соответственно, что задержание заявителей может быть обоснованно признано «необходимым» для того, чтобы не позволить заявителям спровоцировать драку или продолжать подстрекать третьих лиц к футбольному хулиганству, учитывая, что принятия менее суровых мер могло быть недостаточно.

170. Что касается продолжительности задержания в настоящем деле, то согласно аргументации городского суда, с которой не может не согласиться Европейский Суд,

«[заявители, которые содержались под стражей почти восемь часов], были освобождены, как только в центр города вернулись тишина и спокойствие, а именно, по оценке полиции, после задержания группы из 35 болельщиков из Дании ближе к полуночи. При обстоятельствах настоящего дела суд признал, что отсутствовали основания для признания недействительной оценки, осуществленной полицией, в соответствии с которой освобождение заключенных до того, как был обеспечен порядок в центре города, повлекло бы за собой конкретный и неизбежный риск нарушения общественного порядка, в том числе столкновений со зрителями, которых выпускали со стадиона по окончании матча и которые по-прежнему заполняли улицы».

171. Европейский Суд отмечает также, что осуществлялся контроль за тем, был ли устранен соответствующий риск. В частности, Европейский Суд обращает внимание на показания главного инспектора Р.Д. (пункт 24 настоящего Постановления), который отвечал за подтверждение законности задержания и освобождение задержанных, а также за проверку соблюдения стандартных процедур, в том числе обеспечивал соблюдение правила о шестичасовом сроке. Как следует из его показаний, велся постоянный диалог между Р.Д., куратором координационного центра и полицейскими на улицах, что позволяло ему принять решение, когда необходимо начать освобождать задержанных.

172. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд также считает, что заявители были освобождены сразу после того, как исчезла непосредственная угроза, заявители содержались

под стражей не дольше, чем было необходимо для того, чтобы помешать им продолжить подстрекательство к драке хулиганов в центре г. Копенгагена 10 октября 2009 г., а также что постоянно осуществлялась надлежащая оценка уровня опасности.

173. Соответственно, Европейский Суд полагает, что внутригосударственные суды установили справедливое равновесие между важностью права на свободу и важностью предупреждения деятельности заявителей по организации драк хулиганов и участию в них.

(v) Заключение

174. С учетом вышеизложенного Европейский Суд признает, что лишение заявителей свободы в превентивных целях соответствовало подпункту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции и, следовательно, не было допущено нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции.

На основании вышеизложенного Большая Палата Суда:

- 1) постановила единогласно объединить жалобы для рассмотрения в одном производстве;
- 2) объявила единогласно жалобы приемлемыми для рассмотрения по существу;
- 3) постановила 15 голосами «за» при двух – «против», что не было допущено нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Совершено на английском и французском языках, вынесено во время открытых слушаний во Дворце прав человека в г. Страсбурге 22 октября 2018 г.

Сёрен ПРЕБЕНСЕН	Гвидо РАЙМОНДИ
Заместитель Секретаря	Председатель
Большой Палаты Суда	Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагается отдельное мнение судей Винсента А. де Гаэтано и Кшиштофа Войтычека.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ВИНСЕНТА А. ДЕ ГАЭТАНО И КШИШТОФА ВОЙТЫЧЕКА

1. При всем уважении к мнению наших коллег мы не согласны с мнением большинства судей о том, что пункт 1 статьи 5 Конвенции не был нарушен в настоящем деле (пункт 3 резолютивной части настоящего Постановления).

2. Настоящее дело поднимает фундаментальные вопросы толкования международного договора. Мы отмечаем, что в последнее время прецедентная практика Европейского Суда склонялась

к эволютивному и телеологическому толкованию Конвенции и без колебаний отступала от сложившейся прецедентной практики с целью расширить объем прав, гарантированных в соответствии с Конвенцией. В настоящем деле большинство судей выбрали иной подход: фокусировка на букве Конвенции и *travaux préparatoire*¹ (см., например, §§ 114 и 115 настоящего Постановления, а также § 99 настоящего Постановления²). Параллельно с этим большинство судей без колебаний ограничило объем гарантированных прав, сославшись на букву Конвенции и подстроив свое толкование под эту букву. Кроме того, большинство судей сделали очень необычный шаг, подвергнув критике предыдущие составы Европейского Суда за отсутствие достаточной аргументации в постановлениях, вынесенных на основе эволютивного толкования Конвенции (см. § 108 настоящего Постановления).

В более широком плане мы согласны с общей философией толкования международных договоров, использованной большинством судей, и надеемся, что данный подход будет поддержан и консолидирован в постановлениях, которые вынесет Большая Палата Европейского Суда в будущем. В частности, мы разделяем мнение большинства судей о том, что при толковании Конвенции необходимо отдавать предпочтение директивам лингвистического толкования (по поводу смысла данного выражения см.: J. Wróblewski. The Judicial Application of Law // Springer-Science-Business-Media B.V., Dordrecht, 1992. P. 97–100). Мы также согласны с большинством судей в том, что буква Конвенции может оправдывать пересмотр излишне расширительного толкования конкретного положения. Однако мы категорически возражаем по двум пунктам. Во-первых, мы считаем, что методология была применена неправильно, вследствие чего мы не можем согласиться с выводами большинства судей о том, что задержание заявителей относилось к сфере действия подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Во-вторых, и это возражение более критично, мы обращаем внимание на то, что общая философия толкования международных договоров, поддержанная в настоящем Постановлении, нередко отклонялась во многих других постановлениях Большой Палаты Европейского Суда и Палаты Суда, особенно по делам, касающимся нарушения статьи 8 Конвенции. Совершенно непонятно, почему в одних делах Европейский Суд применяет подход, основанный на эволютивном толковании и отступлении от первоначального намерения сторон и текста международного договора, а в других делах, как настоящее, Европейский Суд выбирает

совершенно противоположный подход. В результате Европейский Суд не предложил последовательной теории толкования международных договоров, которая служила бы основой для его постановлений, и не пояснил, каким образом он выбирал, какие правила толкования использовать.

3. При осуществлении своего мандата в том виде, в котором он сформулирован и ограничен статьей 19 Конвенции, Европейский Суд играет особую роль в развитии европейской правовой культуры. Важным элементом правовой культуры является культура толкования, которая предполагает ясные и точные правила толкования. Во многих правовых системах существует набор последовательных правил толкования, обычно неписаных, но понятно излагаемых и применяемых в судебных решениях, а судебные постановления зачастую содержат обширное и четкое описание аргументов, касающихся правил толкования, лежащих в основе аргументации суда. Европейское право прав человека пока еще не достигло уровня развития и отточенности национальных правовых систем по данному вопросу, а Европейский Суд не только не выработал достаточно последовательной методологии толкования в пределах своих полномочий, основанных на общих правилах толкования международных договоров, но зачастую упускал из виду или уклонялся от использования применимых обычаев толкования международных договоров, кодифицированных в Венской конвенции о праве международных договоров. С точки зрения внутренних государственных интересов роль Европейского Суда в построении культуры толкования далека от удовлетворительной.

4. Мы всецело согласны с большинством судей в том, что, решая вопросы толкования, Европейский Суд должен надлежащим образом изучать *travaux préparatoires* и пытаться установить насколько это возможно первоначальные намерения Высоких Договаривающихся Государств. В то же время мы хотели бы подчеркнуть, что статья 32 Венской конвенции о праве международных договоров (которая кодифицирует нормы, касающиеся толкования международных договоров) закрепляет следующее правило:

«Возможно обращение к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовленным материалам и к обстоятельствам заключения договора, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи 31, или определить значение, когда толкование в соответствии со статьей 31:

а) оставляет значение двусмысленным или неясным или

б) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными».

Travaux préparatoires являются вспомогательным средством толкования международных договоров, которое имеет важное значение в случаях, когда та

¹ *Travaux préparatoires* (фр.) – подготовительные материалы (примеч. переводчика).

² Такая последовательность в тексте оригинала Постановления (примеч. редактора).

или иная формулировка в международном договоре остается неясной, но которое не может играть решающую роль, когда лингвистическое толкование международного договора неизбежно ведет к однозначному ясному результату, который не является явно абсурдным или неразумным.

Кроме того, мы не забываем о том, что Постановление Европейского Суда по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)» (Lawless v. Ireland) (№ 3) было принято в то время, когда укрепление роли международных судов при решении споров по Конвенции зависело от государств, которые при ратификации Конвенции признавали также ее факультативные положения. Существуют убедительные доказательства того, что факультативный характер важных частей Конвенции 1950 года оказывал влияние на авторитет и прецедентную практику Европейской комиссии по правам человека и Европейского Суда вплоть до середины 1970-х годов, и оба органа в то время с большой осторожностью относились к Конвенции (см.: Mikael Rask Madsen. «Legal Diplomacy» – Law, Politics and the Genesis of Postwar European Human Rights in: Human Rights in the Twentieth Century: A Critical History. Stefan-Ludwig Hoffmann (ed.). Cambridge University Press, 2011. P. 62, 75–79).

5. Большинство судей настаивают на необходимости применения гибкого толкования подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. §§ 118, 120, 126, *in fine*, 127, 137 и 141 настоящего Постановления). Подобная настойчивость вызывает у нас удивление. В европейской правовой культуре существует общепризнанный принцип, согласно которому положения, гарантирующие личную свободу, должны толковаться строго и буквально. Нелегко связать подход большинства судей со сложившимися канонами юридического толкования: *in dubio pro libertate*¹, *in dubio interpretatio pro regula contra limitationem facienda*², *exceptio est strictissimae interpretationis*³, *odiosa sunt restringenda*⁴, *poenalia sunt restringenda*⁵, *mala restringenda sunt, non amplianda et multiplicanda*⁶ и другими.

¹ *In dubio pro libertate* (лат.) – в случае сомнений – в пользу свободы (примеч. переводчика).

² *In dubio interpretatio pro regula contra limitationem facienda* (лат.) – в случае сомнений толкование правила должно быть ограничено (примеч. переводчика).

³ *Exceptio est strictissimae interpretationis* (лат.) – исключения следует толковать строго ограничительно (примеч. переводчика).

⁴ *Odiosa sunt restringenda* (лат.) – законы, содержащие нормы, неблагоприятные для стороны защиты, должны толковаться ограничительно (примеч. переводчика).

⁵ *Poenalia sunt restringenda* (лат.) – нормы уголовного права следует толковать ограничительно (примеч. переводчика).

⁶ *Mala restringenda sunt, non amplianda et multiplicanda* (лат.) – репрессивные законы следует толковать ограничительно, они не могут толковаться расширительно и применяться по аналогии (примеч. переводчика).

Все эти каноны говорят об одном и том же: что цели положения, защищающего индивидуальную свободу, могут быть достигнуты лишь путем строгого толкования исключений в отношении данного положения. Соответственно, телеологический и лингвистический методы толкования международных договоров совпадают в случаях, как тот, что рассмотрен в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по настоящему делу.

6. Мы согласны с большинством судей в том, что в настоящем деле отправной точкой является формулировка статьи 5 Конвенции. В то же время мы считаем, что подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции не может толковаться изолированно, его следует читать в свете других положений Конвенции, в частности, пункта 3 статьи 5 Конвенции, последнее положение которой гласит:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

Формулировка данного положения не оставляет сомнений относительно цели задержания, произведенного на основании подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, которая состоит в том, чтобы доставить лицо в суд в рамках разбирательства по уголовному делу, то есть разбирательства по факту совершения этим лицом правонарушения.

7. Мы далее подчеркиваем, что ситуация, описанная в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, «необходимо помешать ему скрыться после его совершения», является особым случаем, охватываемым более широким положением, описанным в словах: «по обоснованному подозрению в совершении правонарушения». Риск того, что лицо скроется после совершения правонарушения, всегда предполагает, что имеется обоснованное подозрение в том, что правонарушение уже было совершено. Уточняя в последнем основании то, что уже было сказано в более общем виде в первом основании, представляется *prima facie* излишним. Введение третьего основания может быть объяснено только тем, что дается пример ситуаций, когда имеются обоснованные подозрения в совершении правонарушения. На наш взгляд, аналогичный подход применяется в ситуации, сформулированной в выражении: «когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения». Следует толковать ее как частный пример более широкой ситуации, описанной словами: «по обоснованному подозрению в совершении правонарушения».

8. Большинство судей выразили следующее мнение: «Из текста пункта 3 статьи 5 Конвенции непосредственно следует, что, если человек более

не является “задержанным или заключенным под стражу”, а освобожден из-под стражи, то отсутствует обязанность незамедлительно доставить его к судье» (см. § 129 настоящего Постановления).

Мы бы сказали, что лицо, задержанное или заключенное под стражу «с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом», должно либо незамедлительно доставляться к судье, либо быть освобождено. Если лицо, задержанное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом или иным должностным лицом, наделенным согласно закону судебной властью, было незамедлительно освобождено, отсутствует необходимость доставлять это лицо к судье. В этом случае достаточно наличия возможности оспорить в судебном порядке *ex post facto*¹ правомерности решения о задержании.

9. Далее мы хотели бы отметить, что среди трех оснований для лишения свободы первое («по обоснованному подозрению в совершении правонарушения») и третье (риск того, что лицо может «скрыться после его совершения») явным образом отсылают к уголовному преследованию. В такой ситуации сложно понять, каким образом, и гораздо сложнее утверждать, что второе основание («когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения») не отсылает к уголовному преследованию в отношении правонарушения, которое уже было совершено, по меньшей мере в форме покушения на совершение правонарушения или приговора к совершению правонарушения.

10. Мы хотели бы отметить, что во многих правовых системах законодательство не предусматривает возможность лишения свободы футбольных болельщиков в превентивных целях. Вместо этого государства могут криминализировать деяния, совершенные в «преддверии» («*Vorfeld*») основного преступления, особенно таких деяний, как приготовление к совершению правонарушения или ношение при себе опасных предметов при определенных обстоятельствах. В этом контексте лишение свободы в превентивных целях не представляется необходимым средством борьбы против околофутбольного насилия и хулиганства. В любом случае, если Высокие Договаривающиеся Государства считают, что Конвенция не позволяет им применять некоторые правомерные средства принуждения, они могут изменить данный международный договор.

Также хотелось бы отметить, что внутригосударственные суды в настоящем деле установили, что трое заявителей подстрекали к дракам между футбольными фанатами (см. § 25 настоящего Постановления). Непонятно, почему в отношении

заявителей не было возбуждено уголовное дело по факту подстрекательства к дракам.

11. Мы хотели бы отметить следующие моменты относительно содержания и применения внутригосударственного законодательства.

Во-первых, соответствующее законодательство сформулировано следующим образом:

«1. Полиция обязана предупреждать любые риски нарушения общественного порядка и любую опасность посягательства на общественную безопасность или безопасность личности...»

3. Если менее интрузивные меры, перечисленные в пункте 2, не способны предупредить риски и опасности, полиция может в случае необходимости задержать лицо (лиц), создающее эти риски или опасности. Срок такого задержания должен быть как можно более кратким и умеренным и по возможности не должен превышать шести часов...» (статья 5 Закона “О полиции” (Закон от 9 сентября 2004 г. № 444), см. § 29 настоящего Постановления).

Данная формулировка представляется крайне размытой и широкой. В частности, к лишению свободы в превентивных целях можно прибегнуть при любой угрозе нарушения общественного порядка и любой угрозы посягательства на общественный порядок или безопасность личности, а не исключительно в тех случаях, когда грозит неминуемая опасность совершения преступления. Такое основание для лишения свободы в превентивных целях является проблемой с точки зрения требования о точности и ясности внутригосударственного законодательства, то есть требования о «качестве закона».

Во-вторых, внутригосударственные суды установили намерение законодателя следующим образом:

«Из подготовительных материалов к тому же положению также следует, что обычно шестичасовой срок может быть превышен лишь при осуществлении задержания большого количества людей, когда время, затраченное на доставку задержанных в полицейский участок, регистрацию и установление личности задержанных, делает практически невозможным соблюдение правила о шестичасовом сроке» (см. § 25 настоящего Постановления).

Однако, как подчеркивали заявители и подтверждали в своих показаниях сотрудники полиции (см. §§ 21 и 24 настоящего Постановления), общее количество задержанных в связи с проведением футбольного матча не делало практически невозможным соблюдение правила о шестичасовом сроке. Полиция решила превысить шестичасовой срок для того, чтобы не позволить заявителям вернуться в центр города и, возможно, принять участие в драках. Очевидно, что полицейские не считали, что закон предоставлял им достаточные полномочия для этого.

12. По вышеизложенным причинам мы считаем, что задержание трех заявителей являлось нарушением пункта 1 статьи 5 Конвенции.

¹ *Ex post facto* (лат.) – после свершившегося факта, действие (закона) с обратной силой (примеч. переводчика).